

67.629.08

B-21

Д. П. ВАТМАН

АДВОКАТСКАЯ ЭТИКА

● Правовая позиция
по делу

● Адвокат и истина

● Адвокатская тайна

● Самостоятельность
адвоката

● Престиж профессии

МОСКОВСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ
И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДВОКАТОВ
ПРИ ПРЕЗИДИУМАХ МОСКОВСКИХ ГОРОДСКОЙ
И ОБЛАСТНОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ

Д. П. ВАТМАН

АДВОКАТСКАЯ ЭТИКА

●
1278-УРРПБ

(НРАВСТВЕННЫЕ
ОСНОВЫ
СУДЕБНОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
ПО ГРАЖДАНСКИМ
ДЕЛАМ)

ИБ ПНУС

572443

«ЮРИДИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

Москва — 1977

67.629.08
34С6
В21

Ответственный редактор
Заместитель председателя президиума МГКА
заслуженный юрист РСФСР
И. И. СКЛЯРСКИЙ

Ватман Д. П.

В21 Адвокатская этика. М., «Юрид. лит.», 1977.

96 с.

В книге рассматриваются этические основы судебного представительства по гражданским делам, осуществляемого советской адвокатурой. Излагаются такие этические принципы, как условия выбора адвокатом дел для ведения их в суде, роль адвоката в установлении истины, содержание и пределы адвокатской тайны, границы самостоятельности адвоката и его процессуальной независимости и др.

Книга рассчитана на адвокатов, судей, прокуроров, преподавателей и студентов юридических вузов.

В $\frac{11002-130}{012(01)-77}$ 66-77

34С6

© Издательство «Юридическая литература», 1977 г.

Ивано-Франковского
педагогического института
ИНВ. № 572443

«Адвокат должен быть образцом точного и неуклонного соблюдения советских законов, моральной чистоты и безукоризненного поведения, обязан постоянно совершенствовать свои знания, повышать свой идейно-политический уровень и деловую квалификацию, активно участвовать в пропаганде советского права» (ст. 30 Положения об адвокатуре РСФСР)¹,

Исследование нравственных начал в деятельности профессиональных участников судопроизводства по гражданским и уголовным делам имеет большое значение для повышения культуры социалистического правосудия, усиления воспитательного воздействия судебных процессов и совершенствования квалификации и мастерства судей, прокуроров, следователей и адвокатов. Разработка нравственных основ социалистического правосудия составляет предмет судебной этики как учения об особой области приложения требований морального кодекса строителя коммунизма. Содержанием судебной этики является применение общих моральных принципов и норм социалистического общества в особой сфере государственной деятельности — в области правосудия. Она включает нравственные принципы судебной деятельности, общие для всех ее участников, а также этические начала профессионального поведения представителей различных юридических специальностей, определяемые их ролью в гражданском и уголовном процессе.

В этом смысле можно говорить об общей и особенной частях судебной этики, составным элементом которой являются этические основы деятельности адвокатов, выступающих в качестве поверенных сторон и третьих лиц по гражданским делам, защитников обвиняемых и представителей потерпевших по уголовным делам. Яв-

¹ См.: «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1962, № 29, ст. 450.

ляясь, таким образом, самостоятельным разделом особенной части судебной этики, адвокатская этика содержит общие нравственные начала судебного представительства и защиты, а также специфические нормы и правила, определяемые особенностями двух основных сфер судебной деятельности, положением адвоката в гражданском и уголовном процессе, объемом его прав и профессиональных обязанностей.

Единство этических начал деятельности адвокатуры как общественной организации, призванной законом содействовать охране прав и законных интересов граждан и социалистических организаций, соблюдению и укреплению социалистической законности и осуществлению правосудия, не исключает, однако, ряда различий в тех конкретных проблемах нравственного порядка, с которыми сталкиваются адвокаты при ведении уголовной защиты, а также при осуществлении функции судебного представительства. Эта специфика обнаруживается во всех стадиях судопроизводства, как при принятии поручения на ведение дела в суде и выборе средств и методов защиты интересов клиента, так и в отношении адвоката к обстоятельствам фактического и доказательственного порядка и в решении вопроса об отказе от ведения уже принятого дела.

Учитывая органическое единство природы этических принципов деятельности адвокатуры в процессе отправления социалистического правосудия, автор нашел целесообразным в ходе исследования коснуться также этических правил уголовной защиты, особенно в тех случаях, когда схожесть процессуальной ситуации не должна заслонять существенного различия в подходе к проблемам нравственного порядка со стороны адвокатов-защитников и адвокатов-поверенных. Такое сравнительное исследование обнаруживает общую основу двух основных ветвей адвокатской этики, а особенности этических правил проявляются как различия внутри единства, определяемые специфическими особенностями двух основных сфер правосудия и положением, занимаемым адвокатом в каждой из них.

Советская адвокатура как составная часть системы социалистического правосудия построена на принципиально иных основах, чем адвокатура буржуазных стран. Это находит свое выражение, в частности, и в различном решении нравственных проблем, возникаю-

щих в практической деятельности адвокатов, в содержании и системе принципов адвокатской этики. Вместе с тем положительные примеры из практики прогрессивных адвокатов прошлого сохранили известное значение, поэтому в работе использованы правила адвокатской профессии, изданные в России и во Франции, в основном в качестве исторических иллюстраций.

Большое значение для разработки проблем адвокатской этики имеет изучение дисциплинарной практики советской адвокатуры. Поскольку, однако, в настоящее время не имеется систематических публикаций о решениях президиумов республиканских и областных коллегий адвокатов по дисциплинарным делам, в работе приводятся ссылки только на дисциплинарную практику Московских городской и областной коллегий, которая была систематизирована в 1971 году.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

ВЫБОР ДЕЛ

Одним из основных этических начал адвокатской деятельности является принцип разборчивости при принятии поручения на ведение дела в суде. Во всех ли случаях можно вести дело? Какими критериями следует руководствоваться при его выборе? Разрешая эти вопросы, адвокаты прежде всего обращаются к действующему законодательству. Поручение на ведение дела не может быть принято адвокатом, если: 1) в расследовании и решении дела принимает участие должностное лицо, с которым он состоит в родственных (свойственных) отношениях; 2) он по данному делу ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам лица, обратившегося с просьбой о ведении дела, или участвовал ранее в деле в качестве судьи, свидетеля, прокурора, эксперта, переводчика или секретаря судебного заседания; 3) гражданское дело связано с уголовным делом, в котором он участвовал ранее в качестве потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, лица, производившего дознание, следователя, понятого или общественного обвинителя; 4) он находится в родственных (свойственных) отношениях с адвокатом, который по тому же делу оказывает юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам обратившегося¹.

Эта норма, изложенная в законодательстве разных союзных республик, как представляется, должна быть признана обязательной для всех адвокатов, независимо от места выполнения поручения. Необходимо при этом учитывать, что все указанные правила, являясь правовой нормой, вместе с тем содержат и требования этического порядка: запрещая при определенных условиях принятие поручения по делу, эта норма исходит из того,

¹ См. ст. 32 Положения об адвокатуре РСФСР и соответствующие статьи положений об адвокатуре других союзных республик.

что нравственно недопустимо ведение адвокатом дела при обстоятельствах, которые могут вызвать сомнения в его беспристрастности.

Несовместимо с личной честью адвоката и достоинством профессии принятие им поручения, если ранее он высказывал в юридической литературе взгляды, противоположные тому пониманию закона, которое лежит в основании позиции по делу. Если адвокат защищал в литературе определенное толкование правовой нормы, он не может принять ведение дела, в котором ему пришлось бы отстаивать противоположную точку зрения, за исключением тех случаев, когда высказанное им мнение не было воспринято судебной практикой либо он сам не убедился в ошибочности ранее выдвигавшегося им понимания закона¹. Так, московский адвокат отказался принять поручение на ведение дела со стороны истца по иску бывшего члена семьи пайщика ЖСК к члену кооператива об обязанности последнего совершить обмен кооперативной квартиры, ссылаясь на то обстоятельство, что в статье «Спорные вопросы обмена жилыми помещениями» он выдвинул тезис об отсутствии у истца такого права². В дальнейшем эта точка зрения была воспринята судебной практикой и закреплена в п. 16 постановления № 51 Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 января 1970 г. «О выполнении судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1967 г. «О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении судами дел по спорам между гражданами и жилищно-строительными кооперативами»³. В тех случаях, когда выдвинутое адвокатом толкование правовой нормы не было воспринято судебной практикой, а равно при изменении им своих взглядов, он может принять поручение на ведение дела, в основе позиции которого лежит противоположная правовая доктрина, однако при этом он должен быть готов разъяснить причины изменения своей точки зрения. Если адвокат этого не сделает, в процессе может сложиться крайне нежелательная ситуация, когда в опровержение защищаемой адвокатом позиции по делу бу-

¹ См.: Полянский Н. Н. Правда и ложь в уголовной защите. М., «Правовая защита», 1927, с. 54—57.

² См.: «Сов. государство и право», 1968, № 8, с. 115.

³ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР, 1961—1971. М., «Юридическая литература», 1972, с. 132.

дет выдвинуто его собственное суждение, высказанное в литературе, что отрицательно скажется на интересах клиента, а также будет способствовать подрыву личного авторитета адвоката в глазах суда и умалению общественного престижа адвокатуры.

Представляется также, что принятие поручения на ведение дела, в исходе которого лично, прямо или косвенно, заинтересован адвокат, нельзя признать этически оправданным. Подобная ситуация может возникнуть, например, в тех случаях, когда адвокат находится в родственных (свойственных) отношениях со стороной в гражданском процессе, а равно когда решение суда может в той или иной степени отразиться на правах и интересах адвоката (получение имущества по наследству, приобретение права собственности по договору, обмен жилой площади, приобретение права на возмещение вреда и т. п.). Необходимо также учитывать, что наличие у адвоката какой-либо информации об обстоятельствах дела может повлечь вызов его в качестве свидетеля, чему воспрепятствует принятие поручения (п. 1 ст. 61 ГПК РСФСР). Исходя из приоритета интересов правосудия, а также принимая во внимание незаменимость свидетеля и возможность приглашения другого представителя или защитника для ведения дела, адвокату следует отказаться от принятия поручения, если есть основания полагать, что он может быть вызван в качестве свидетеля¹. Нельзя не учитывать, что личный интерес адвоката в исходе дела неизбежно вызывает у него особое отношение к средствам и методам, применяемым при ведении дела, а также то обстоятельство, что участие адвокатуры в процессе отправления правосудия по самой своей природе — это деятельность в интересах других лиц, вверивших адвокату защиту и утверждение своих прав и интересов, следовательно, личная заинтересованность в исходе дела органически несовместима с функцией судебного представительства. Безукоризненность моральных принципов, строжайший отбор лишь допустимых и нравственно безупречных про-

¹ См.: Гольдинер В. Д. Об этике в деятельности адвоката. — «Сов. государство и право», 1965, № 10, с. 96; Адвокатура в СССР. М., «Юридическая литература», 1971, с. 155.

² «Опыт показал, что в личном деле адвокат редко сохраняет хладнокровие, а следовательно, и сознание профессионального достоинства» (Молло М. Правила адвокатской профессии во Франции. М., 1894, с. 89).

цессуальных средств, наконец, профессиональная обязанность и нравственный долг способствовать суду в установлении действительных обстоятельств дела должны побудить адвоката с особой ответственностью подойти к решению вопроса о возможности ведения дела, по которому есть основания предполагать его личный интерес. Представляется, что в подобной ситуации следует предпочесть приглашение для ведения дела другого адвоката.

Особо тесный, доверительный характер отношений между адвокатом и клиентом, складывающийся при ведении дела в суде, создает своеобразный нравственный микроклимат, который накладывает отпечаток и на все последующие контакты между ними. Поэтому даже спустя длительное время после окончания процесса адвокат не может превратиться в процессуального противника бывшего клиента по другому делу и вести его против интересов своего прежнего доверителя¹. Это правило, выработанное адвокатской практикой применительно к ведению гражданских дел, по нашему мнению, должно применяться и в случаях, когда адвокат выступает в качестве защитника обвиняемого или представителя потерпевшего в уголовном процессе, так как нравственные узы, связывающие адвоката с его бывшим клиентом, не зависят от характера дела. Поэтому, например, адвокат, защищавший обвиняемого, не вправе впоследствии выступать в гражданском процессе на стороне его противника, равно как недопустимым было бы принятие поручения на представительство интересов потерпевшего, если ранее по другому делу адвокат являлся поверенным лица, привлеченного теперь к уголовной ответственности в качестве обвиняемого.

Нарушением нравственного долга адвоката явилось бы также принятие им поручения на защиту лиц, действиями которых причинен ущерб учреждению или предприятию, которое адвокат обслуживает по договору с юридической консультацией². Принятие поручения в такой ситуации могло бы поставить адвоката в ложное положение, так как защита обвиняемого может оказаться

¹ См.: Дисциплинарная практика Московских городской и областной коллегий адвокатов (составитель П. А. Огнев).— Архив Президиума МГКА. М., 1971, с. 8 (п. 38).

² См.: Дисциплинарная практика Московских городской и областной коллегий адвокатов, с. 8 (п. 39).

в противоречии с материальными интересами предприятия. Не вправе адвокат принимать поручение и на ведение гражданского дела работников предприятия или учреждения против этой организации, даже если договор на юридическое обслуживание уже прекращен, но спорное правоотношение возникло в период действия этого договора. Если же гражданский спор возник после прекращения юрисконсультских отношений, нравственных препятствий для ведения адвокатом такого дела не имеется, так как обслуживание организации по срочному договору не создает такой тесной связи между нею и адвокатом-юрисконсультom, как это имеет место в отношениях адвоката со своими клиентами-гражданами.

Большой такт и осмотрительность требуются от адвоката при обсуждении вопроса о возможности принятия поручения по делу, которое ранее велось другим адвокатом (например, в случае предложения выступить в суде кассационной инстанции при обжаловании решения, вынесенного с участием другого поверенного). В подобной ситуации адвокат должен прежде всего выяснить у своего товарища по профессии, имеются ли у него полномочия на ведение дела в следующей инстанции, а также установить причины, которыми вызвано обращение к другому представителю¹. Если при этом обнаружится, что стремление «заменить» адвоката обусловлено желанием клиента использовать заведомо недостоверные доказательства либо иные незаконные средства защиты своих интересов, адвокат не вправе принять поручение на дальнейшее ведение дела. При всех обстоятельствах адвокат не должен допускать каких-либо неуважительных замечаний в адрес своего товарища по профессии, который ранее вел это дело, ему следует проявить крайнюю осмотрительность в оценке примененных первым адвокатом процессуальных средств и методов, помня, что суждения, высказанные к тому же в категорической форме, могут оказаться ошибочными, а незаслуженные упреки своему предшественнику подрывают престиж адвокатуры, члены которой не проявляют взаимного такта и уважения.

Наконец, личная честь адвоката и забота об общественном престиже адвокатуры должны полностью ис-

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 29 (п. 189); см. также: Правила адвокатской профессии в России (составитель А. Н. Марков). М., 1913, с. 385.

ключить из практики такие недостойные методы приобретения дел, как погоня за клиентами, самореклама, «перехват» клиентов, явившихся в юридическую консультацию, чтобы обратиться к другому адвокату, «вербовка» клиентуры путем направления писем с вызовом в консультацию для переговоров и оформления поручений по делу¹ и т. п. Подобные действия должны рассматриваться как недопустимое нарушение основных начал адвокатской этики.

Все изложенные соображения правового и нравственного порядка определяют негативный аспект решения адвокатом вопроса о возможности принятия им поручения на ведение дела в суде — как гражданского, так и уголовного. Установив отсутствие обстоятельств, препятствующих ведению дела во всех случаях, адвокат разрешает вопрос о возможности принятия поручения в зависимости от фактического и доказательственного материала данного конкретного дела, а также с учетом его этического аспекта (характера спорного интереса, возможных средств и способов его ограждения и защиты).

Существуют различия в принятии поручения адвокатом-защитником, с одной стороны, и адвокатом-поверенным — с другой. Характерной чертой судебного представительства являются особые условия, определяющие возможность ведения адвокатом гражданского дела. Согласно ст. 5 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик всякое заинтересованное лицо имеет право на судебную защиту нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса. Однако предложение такого лица принять представительство его интересов в суде отнюдь не обязательно для адвоката, оно может быть удовлетворено лишь при определенных обстоятельствах. Поскольку в уголовном процессе право на защиту гарантировано каждому обвиняемому независимо от тяжести инкриминируемого деяния, адвокат-защитник не может отказаться от ведения дела под предлогом сомнительности версии обвиняемого, глубины его нравственного падения или даже безнадёжности его положения². Иное положение в гражданском процессе, в котором закон не

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 11, 12 (пп. 54—67).

² См.: Гольдинер В. Д. Указ. статья, с. 95—96; Стецовский Ю. И. Адвокат в уголовном судопроизводстве. М., «Юридическая литература», 1972, с. 35.

устанавливает случаи обязательного судебного представительства, даже при оказании бесплатной юридической помощи (например, при ведении дел со стороны истцов о взыскании алиментов, трудовых дел и т. п.¹), и указывает в общей форме на право граждан и юридических лиц вести свои дела в суде через представителей-адвокатов (ст. 43, п. 1 ст. 44 ГПК РСФСР). Ни в Основах гражданского судопроизводства, ни в ГПК союзных республик не указаны критерии, в соответствии с которыми представители сторон, в частности адвокаты, могут принимать на себя ведение гражданских дел, а в Положениях об адвокатуре говорится лишь об обязанности адвокатов защищать права и законные интересы своих доверителей². Эти критерии выработаны многолетней практикой участия адвокатов в гражданском судопроизводстве и нашли свое выражение в понятии правовой позиции³, наличие которой является необходимым условием для ведения адвокатом гражданского дела.

Понятие правовой позиции по делу — этого *conditio sine qua non* (непременного условия) адвокатской деятельности по гражданским делам — включает различные элементы, обсуждение которых предваряет решение адвоката о возможности ведения дела. При этом, однако, необходимо учитывать, что исследование адвокатом этих моментов по конкретному делу должно определяться тем основным, решающим соображением, что оказание юридической помощи нуждающимся в ней лицам — это профессиональная обязанность адвокатов, возложенная на них законом, и что отказ в ее предо-

¹ См. п. 5 Инструкции о порядке оплаты юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам, предприятиям, учреждениям, совхозам, колхозам и другим организациям, утвержденной постановлением Совета Министров РСФСР от 14 февраля 1966 г. — СП РСФСР, 1966, № 3, ст. 22.

² Статья 31 Положения об адвокатуре РСФСР.

³ См.: Антимонов Б. С., Герзон С. Л. Адвокат в советском гражданском процессе. М., Госюриздат, 1954, с. 17—18; Ильинская И. М., Лесницкая Л. Ф. Судебное представительство в гражданском процессе. М., «Юридическая литература», 1964, с. 44 и сл.; Темирова С. Некоторые вопросы работы адвоката по гражданским делам. — Советская адвокатура. Задачи и деятельность. М., «Юридическая литература», 1968, с. 79; Любарская Г. Правовая позиция адвоката по гражданскому делу. — «Сов. юстиция», 1970, № 10, с. 10; Склярский И. Подготовка адвоката к рассмотрению гражданских дел. — «Сов. юстиция», 1971, № 1, с. 14; Адвокатура в СССР, с. 148—164.

ставлении может быть признан допустимым только в случае, когда это окажется невозможным по правовым или этическим основаниям¹. Поэтому адвокат должен подходить к обсуждению требования клиента об оказании ему необходимой правовой помощи с особым вниманием и чувством большой ответственности, помня, что поспешное или недостаточно продуманное решение либо совет адвоката могут вовлечь клиента в судебный процесс, реальных шансов на выигрыш которого не имеется, что повлечет потерю времени и материальные затраты либо приведет к утрате клиентом своего права в случае, когда он последует совету адвоката отказаться от обращения в суд по мотиву бесперспективности дела, оказавшемуся ошибочным.

Каковы же элементы правовой позиции по делу, которые должен установить и проанализировать адвокат, чтобы принять правильное и обоснованное решение о возможности ведения гражданского дела в суде?

Законность спорного интереса — таков первый элемент правовой позиции. Законны ли притязания и возражения лица, обратившегося за юридической помощью? Основан ли спорный интерес на законе или он противоречит его предписаниям? Эти вопросы подлежат выяснению в первую очередь, для чего необходимо исследовать природу спорного правоотношения, материально-правовую основу требований и возражений сторон. Если в результате такого анализа обнаружится противоправность отстаиваемых клиентом требований либо возражений, а адвокат тем не менее примет к своему производству это заведомо безнадежное дело, он совершит глубоко безнравственный поступок, несовместимый с основными началами адвокатской этики. «Принятие адвокатом поручения по гражданскому делу, по которому позиция доверителя противоречит закону, влечет за собой дисциплинарное взыскание», — в такой категорической форме высказался по этому поводу Президиум Московской городской коллегии адвокатов². При-

¹ «Обращение к нам клиентов, — писал Э. Пикар, — не просьба, а требование, от которого мы можем тогда лишь уклониться, когда очевидно, что законная поддержка и спор по поводу их требований невозможны». — Пикар Э. Об адвокате (парадокс). М., 1898, с. 82.

² См.: Дисциплинарная практика, с. 9 (п. 46), см. также: Правила адвокатской профессии в России, с. 96, 97, 156; Молю М. Правила адвокатской профессии во Франции, с. 40.

мером такого нарушения этических принципов адвокатской деятельности должно быть признано принятие представительства со стороны ответчика, возражавшего против иска своего бывшего супруга — пайщика ЖСК о вселении в кооперативную квартиру по тем мотивам, что истец выбыл с жилой площади в связи с осуждением к лишению свободы и был выписан по домово́й книге, вследствие чего по возвращении из мест заключения он якобы не вправе претендовать на проживание в спорной квартире. Эта позиция ответчика не основана на законе, так как к членам жилищно-строительных кооперативов неприменимо правило ст. 306 ГК РСФСР о сроках сохранения жилой площади за лицами, временно выбывшими из жилого помещения¹. Адвокату следовало разъяснить ответчику незаконность его позиции, а не принимать к своему производству неправо́е дело.

Не менее ответственным должно быть решение адвоката, когда анализ спорного правоотношения приводит его к негативному выводу об отсутствии правовой позиции по делу, вследствие чего он отказывается в принятии поручения. При этом следует учитывать значение для клиента решения адвоката не принимать участия в процессе. Основываясь на суждении адвоката, не усматривающего в деле правовой позиции, клиент может отказаться от обращения в суд, что может нанести серьезный, а порой и непоправимый вред его интересам. Например, полагаясь на авторитет московского адвоката, клиент не обращается с иском к наследникам своего должника (наследство открылось в УССР), считая, что пропустил шестимесячный пресекательный срок, погашающий право требования (ст. 554 ГК РСФСР). Дав такой совет, адвокат, очевидно, считал, что он поступил правильно, ибо клиент сберег время и деньги, необходимые для ведения заведомо безнадежного дела. Однако от адвоката требовался гораздо более внимательный и глубокий подход к анализу спорной правовой ситуации. Придя к выводу об отсутствии по делу правовой позиции, адвокат не учел, что в силу п. 15 ст. 18 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных рес-

¹ См. п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 3 от 25 февраля 1967 г. «О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении судами дел по спорам между гражданами и жилищно-строительными кооперативами». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973. М., «Известия», 1974, с. 120.

публик к отношениям по наследованию применяется закон места открытия наследства, а согласно ст. 557 ГК УССР (в отличие от всех других союзных республик) шестимесячный срок для предъявления претензий кредитором наследодателя является не пресекательным, а обычным давностным сроком, который может быть восстановлен судом в случае признания причин его пропуска уважительными¹. Таким образом, как в случае положительного решения адвокатом вопроса о наличии по делу правовой позиции и о возможности принятия поручения, так и при отрицательном ответе на этот вопрос адвокат всегда должен помнить о своей моральной ответственности за принятое решение: ошибочная рекомендация вести дело в суде либо воздержаться от судебного спора не только наносит вред, порой непоправимый, интересам клиента, но и подрывает у граждан доверие к адвокатуре.

При обсуждении вопроса о законности спорного интереса адвокату необходимо учитывать принципиальное положение советского гражданского законодательства об осуществлении субъективных прав в сочетании с интересами общества в целом. Если сторона в спорном правоотношении стремится осуществить свое право в противоречии с его назначением в социалистическом обществе в период строительства коммунизма, это право не охраняется законом², а потому оно не подлежит судебной защите. Например, право на обмен жилого помещения защищено законом. Однако в том случае, когда путем обмена жилой площади гражданин искусственно ухудшает свои жилищные условия в неправомерных целях получения другой жилой площади в обход установленного порядка учета граждан, нуждающихся в жилье, отказ жилищных органов дать согласие на такой обмен должен быть признан правоммерным³. Поэтому адвокат не вправе защищать в суде требования об оспаривании этого отказа, ибо интерес истца по такому делу находится в противоречии с законом. Если с просьбой о принятии поручения обращается клиент, к которому предъявлено требование, являющееся, по мнению ад-

¹ См.: Вопросы гражданского права и процесса. Л., изд-во ЛГУ, 1969, с. 188.

² См.: ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 5 ГК РСФСР).

³ См.: Обмен жилой площади по новому гражданскому законодательству.— «Соц. законность», 1965, № 6, с. 25.

воката, недобросовестным и аморальным, правовая позиция по делу, обоснованная ссылкой на ст. 5 ГК РСФСР, намного выигрывает в своей силе и убедительности. Ярким примером разработки и успешной защиты позиции ответчика против иска, противоречащего принципам коммунистической морали, являются объяснения члена МОКА М. С. Липецкера в Верховном Суде РСФСР по делу Никитиных¹.

Отсутствие закона, регулирующего спорное отношение, не является само по себе препятствием для принятия адвокатом поручения на ведение дела, так как защита интересов клиента в гражданском процессе возможна также и путем применения закона, регулирующего сходные отношения (аналогия закона), равно как и на основе общих начал и смысла советского законодательства (аналогия права). В подобной ситуации выявление правовой позиции по делу может быть сопряжено со значительными трудностями, однако адвокат должен использовать все возможные средства и способы для того, чтобы интерес клиента не остался неогражденным. Когда к адвокату обратилась гр-ка Н., которой в связи со сносом принадлежавшего на праве личной собственности дома предоставлялась совместно с семилетним сыном однокомнатная квартира взамен помещения из трех комнат, находившихся в ее пользовании, адвокат, проконсультировавшись с учеными-юристами, посчитал возможным принять на себя защиту ее интересов. Хотя в законодательстве прямого ответа на вопрос о количестве комнат, предоставляемых собственнику сносимого дома, не имеется, по аналогии должны были быть применены правила ст. ст. 316 и 331 ГК РСФСР, гарантирующие нанимателю жилого помещения сохранение того же числа комнат при переселении, но в пределах установленных норм. Поэтому адвокат счел, что гр-ке Н. с сыном должна быть предоставлена не одно-, а двухкомнатная квартира, и, последовательно защищая эту позицию, добился внесения протеста по этому делу в Пленум Верховного Суда СССР, который признал ее обоснованной³. Толкование закона, отстаиваемое адвокатом по делу Н., было закреплено постановлением

¹ См.: Речи советских адвокатов по гражданским делам. М., «Юридическая литература», 1976, с. 132—135.

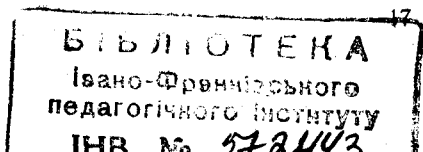
² См.; Петрович Д. Результат пересмотра одного дела (из практики адвоката). — «Соц. законность», 1973, № 4, с. 64.

Пленума Верховного Суда СССР № 5 от 18 марта 1970 г. «О некоторых вопросах, возникающих в практике рассмотрения судами дел по спорам в связи со сносом домов, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, при отводе земель для государственных и общественных надобностей»¹.

Вторым элементом правовой позиции является **наличие необходимых доказательств по делу**. Недостаточно установить, что спорный интерес клиента основан на законе, сама законность притязаний либо возражений должна быть доказана. Поскольку согласие адвоката на ведение гражданского дела в суде определяет принятие им на себя обязанности использовать предусмотренные законом средства и методы в целях обоснования работы своего доверителя, он должен предварительно удостовериться в наличии необходимых для этого средств доказывания. Поэтому выявление правовой позиции по делу предполагает обсуждение вопроса о возможности представления доказательств в подтверждение тех фактических обстоятельств, на которых основываются притязания и возражения клиента.

Особое значение имеет исследование адвокатом возможных средств доказывания с точки зрения их процессуальной допустимости, т. е. дифференциации доказательств по их видам для использования в качестве средств подтверждения фактов. «Обстоятельства дела, которые должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими средствами доказывания» (ст. 17 Основ гражданского судопроизводства, ст. 54 ГПК РСФСР). Процессуальное значение этого правила, определяющее в ряде случаев возможность принятия поручения, очень велико. Оно касается прежде всего самого распространенного в судебной практике вида доказательств — свидетельских показаний, которые закон в отдельных случаях не допускает в качестве средств подтверждения юридических фактов. Поэтому адвокат должен тщательно проанализировать спорное правоотношение, чтобы установить, какие средства доказывания могут оказаться пригодными для представления суду, и только при их наличии либо возможности их получения определить реальность защиты интересов клиента.

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 99.

Если, например, сделка, в отношении которой возник спор, согласно закону должна быть облечена в письменную форму (п. 2 ст. 44, ст.ст. 269, 405, 505 ГК РСФСР), несоблюдение этой формы лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки на свидетельские показания (ст. 46 ГК РСФСР), но не препятствует представлению иных доказательств (письменных, вещественных и т. д.). Так как в подобных случаях установленная законом письменная форма договора относится к процессуальному праву, являясь условием доказуемости сделок, адвокат обсуждает вопрос о возможности использования иных, кроме свидетельских, показаний средств доказывания. Если в распоряжении клиента есть другие доказательства заключения сделки, например при отсутствии письменного авторского договора (ст. 505 ГК РСФСР) имеются: документы, свидетельствующие о принятии издательством рукописи¹, одобрении ее, включении в план, переписка о гонораре и т. п., а также учетные данные о движении рукописи², адвокат может принять поручение на ведение дела. При отсутствии таких доказательств правовой позиции по делу нет, и, следовательно, защита интересов обратившегося лица невозможна. В подобной ситуации нравственный долг адвоката состоит в том, чтобы разъяснить клиенту бесперспективность его дела и отказаться от его ведения.

Обсуждая вопрос о наличии правовой позиции по делу, следует учитывать, что в определенных случаях показания свидетелей не допускаются законом только как средство подтверждения сделки. Если же сделка была совершена и спор возникает по поводу соответствия ее содержания действительной воле сторон, свидетельские показания являются допустимым средством доказывания. Например, фиктивность договора (в частности, когда сделка совершена лишь для вида, без намерения создать юридические последствия) может быть подтверждена любыми доказательствами, в том числе и показаниями свидетелей³. Поэтому в подобных случа-

¹ См.: Чертков В. Л. Судебная защита прав и интересов авторов. М., «Юридическая литература», 1971, с. 71.

² См. п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 9 от 19 декабря 1967 г. «О практике рассмотрения судами споров, вытекающих из авторского права». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 164.

³ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 3, с. 33.

ях препятствий для ведения дела не имеется и адвокат вправе принять поручение.

При исследовании доказательственной стороны правовой позиции от адвоката требуется тщательный и глубокий анализ конфликтной ситуации, большая осмотрительность и учет тенденций судебной практики, чтобы, с одной стороны, не упустить возможности использовать средства доказывания, способные подтвердить сделку при несоблюдении письменной формы, и, с другой стороны, не переоценить значения документов, достаточных для доказывания определенных фактов, однако не свидетельствующих о наличии искомых прав и интересов. Так, правильно поступил адвокат, когда принял ведение дела о взыскании взятой в долг суммы в размере 830 руб. по устному договору займа и обоснованно заявил ходатайство об истребовании из управления охраны общественного порядка переписки по жалобе истицы, содержание которой могло подтвердить признание долга ответчицей¹. Напротив, было бы неоправданно рассчитывать на документы (например, почтовая квитанция об отправке денег либо о приеме телеграфного перевода и уведомление о вручении денег адресату) для обоснования требования о возврате денег, так как эти письменные доказательства, с бесспорностью свидетельствующие о получении денег ответчиком, отнюдь не подтверждают заемных отношений между сторонами². Отказ адвоката от ведения дела в первом случае под предлогом отсутствия правовой позиции явился бы свидетельством нежелания либо неумения поверенного проявить необходимую настойчивость и принципиальность в защите нарушенных прав и интересов клиента. Во втором случае согласие адвоката на представительство интересов истца по требованию о возврате пересланных денег без обоснования обязанности ответчика вернуть полученное могло быть расценено как недостаточно продуманное решение о наличии позиции по делу, весьма сомнительной с правовой стороны. Эти примеры показывают, сколь велика нравственная ответственность адвоката при решении вопроса о возможности ведения дела с учетом его фактического и доказательственного материала.

В некоторых случаях, прямо указанных в законе

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1968, № 12, с. 5.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1971, № 8, с. 15; 1972, № 1, с. 2.

(например, ст.ст. 188, 195, 203 ГК РСФСР), письменная форма сделки является обязательной, она имеет конститутивное значение и ее несоблюдение влечет недействительность сделки независимо от других письменных доказательств. В подобных случаях несоблюдение письменной формы сделки исключает возможность ее доказывания и, следовательно, правовая позиция по делу отсутствует, что должно быть разъяснено клиенту. Ведение адвокатом дела при таких обстоятельствах было бы нравственно недопустимым.

Если согласно закону сделка должна быть оформлена в нотариальном порядке, несоблюдение этой формы влечет ее недействительность (ч. 1 ст. 47 ГК РСФСР). Однако из этого общего правила было бы неверно делать вывод, что во всех случаях нарушения предписанной законом нотариальной формы адвокат не вправе принять поручение на ведение дела о признании такой сделки действительной, ссылаясь на отсутствие позиции по делу. Прежде всего он должен принять во внимание, что суд вправе по требованию исполнившей сделку стороны признать ее действительной и при несоблюдении нотариальной формы, если другая сторона уклоняется от ее нотариального оформления, при условии, что сделка не содержит ничего противозаконного (ч. 2 ст. 47 ГК РСФСР). При этом необходимо учитывать тенденции судебной практики по рассмотрению такого рода споров. Например, Пленум Верховного Суда СССР в п. 6 постановления № 13 от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам о праве личной собственности на строения» разъяснил судам, что сделка по отчуждению строения, когда она по существу ничего противозаконного не содержит и целиком или в большей своей части выполнена сторонами, может быть в исключительных случаях признана судом действительной, несмотря на несоблюдение предписанной законом нотариальной формы¹.

Разрешая вопрос о правовой позиции по делу о признании действительной сделки, не облеченной в предписанную законом нотариальную форму, адвокат должен быть особенно осторожным, чтобы не допустить ошибки и не принять к своему производству дело при отсутствии исключительных обстоятельств, на установление

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 93.

которых ориентирует Верховный Суд СССР при разрешении споров о праве личной собственности на строения. При этом адвокату следует учитывать, что его ошибочное суждение может повлечь значительные и притом невосполнимые расходы клиента по уплате государственной пошлины, на производство экспертизы и т. п. Однако по другим сделкам, для которых также необходима нотариальная форма, например дарение на сумму свыше 500 руб. (ст. 257 ГК РСФСР), судебная практика не требует установления исключительных обстоятельств, потому что такого рода дарственные акты в большинстве случаев заключаются между близкими родственниками и потому не оформляются нотариально¹. Значительное распространение получили на практике случаи предоставления родителями в виде дара своим детям средств для оплаты пая в ЖСК, и адвокаты совершенно правильно признают возможность подтверждения такой сделки не только нотариальными, но и другими письменными доказательствами². Поскольку в подобных случаях действительность сделки, требующей нотариального удостоверения, может доказываться другими письменными доказательствами, правовая позиция по делу имеется и адвокат вправе принять на себя защиту интересов клиента.

Установив наличие доказательств, относящихся к делу и допускаемых законом для подтверждения искомых фактов, адвокат производит отбор доказательственного материала с учетом достоверности фактов и доброкачественности средств доказывания. Заведомо недостоверные доказательства ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны адвокатом приемлемыми и представлены им суду. Если адвокату известно о недоброкачественности средств доказывания, на которые рассчитывает клиент, либо о недостоверности тех фактов, на которых он основывает свои притязания или возражения, он констатирует отсутствие правовой позиции по делу и отказывает в принятии поручения. Это не только юридическая обязанность адвоката, но и его нравственный долг как члена общественной организации, призванной законом содействовать правосудию.

¹ См.: Иоффе О. С. Советское гражданское право. Л., 1961, с. 142; В а т м а н Д. Договор дарения. — «Сов. юстиция», 1969, № 1, с. 21.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1969, № 8, с. 3.

Сложнее обстоит дело в том случае, если достоверность доказательств для адвоката сомнительна. В подобной ситуации положение адвоката-поверенного существенно отлично от положения адвоката-защитника в уголовном процессе. В силу закона принявший на себя защиту адвокат не обязан доказывать невиновность обвиняемого, обязанность доказывания его виновности лежит на следователе и прокуроре (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 20 УПК РСФСР). В п. 2 постановления от 30 июня 1969 г. № 4 «О судебном приговоре» Пленум Верховного Суда СССР разъяснил судам, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и должен быть постановлен на достоверных доказательствах, а все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу подсудимого¹. Поэтому адвокат-защитник должен выдвинуть перед судом все доказательства, в том числе и те из них, которые могут вызвать предположения об их недостоверности; более того, он обязан представить суду доводы, которые говорят в пользу достоверности этих доказательств, хотя бы лично он в этом и сомневался².

Иное положение в гражданском процессе, в котором стороны, а следовательно, и их поверенные обязаны доказать те обстоятельства, на которых основаны спорные притязания и возражения. Представление по гражданскому делу доказательств, вызывающих сомнение в их достоверности, в значительной мере подрывает доверие суда к защищаемой позиции, в обоснование которой выдвинуты столь ненадежные средства. Если в подтверждение правоты доверителя могут быть представлены доброкачественные и достоверные средства доказывания, все сомнительные данные должны быть исключены из доказательственного материала. Если же таких средств не имеется и лицо, обратившееся за помощью, рассчитывает лишь на доказательства, достоверность которых может быть поставлена под сомнение, поручение на ведение дела не может быть принято ввиду отсутствия правовой позиции. Представление в граждан-

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 580.

² См.: Полянский Н. Н. Правда и ложь в уголовной защите, с. 62.

ском споре системы доказательств, отдельные звенья которой ненадежны и сомнительны, может обесценить весь доказательственный материал и подорвать ту позицию, в обоснование которой они выдвинуты. Таким образом, процессуальные средства, целесообразные и дозволенные в защите по уголовным делам, могут оказаться несостоятельными и потому недопустимыми для правовой позиции по гражданскому делу, которую адвокат-поверенный должен обосновать и утвердить перед судом.

От сомнительных доказательств, использование которых в гражданском судопроизводстве должно быть признано ненадежным, чреватым опасностью для защищаемой позиции, а потому нравственно недопустимым процессуальным методом, следует отличать доброкачественные средства доказывания, которые, однако, не свидетельствуют категорически и однозначно об искомых фактах, например вероятное заключение экспертизы. Различия в законодательной регламентации распределения бремени доказывания в уголовном и в гражданском процессе определяют неодинаковый подход адвоката к исследованию и оценке такого заключения в двух сферах судопроизводства. Поскольку неустранимые сомнения в доказанности обвинения толкуются в пользу обвиняемого, вероятное заключение эксперта не может быть положено в основу приговора¹. Поэтому адвокат — представитель потерпевшего в уголовном процессе не вправе поддерживать обвинение, ссылаясь на вероятное заключение эксперта, это было бы процессуально несостоятельным и нравственно недопустимым приемом, заслуживающим самого решительного осуждения. Однако в гражданском процессе не может быть признано правильным автоматическое применение принципа толкования сомнений в пользу защиты при разрешении вопроса об обязанности ответчика возместить причиненный ущерб (например, по искам к медицинским учреждениям о возмещении вреда, причиненного ненадлежащим лечением).

В гражданском процессе использование адвокатом для подтверждения правовой позиции по делу вероятно-

¹ См. п. 14 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 590.

го заключения эксперта оказывается в некоторых случаях весьма целесообразным и нравственно оправданным средством¹.

Наконец, исследование доказательственного аспекта позиции по делу предполагает обсуждение адвокатом вопроса о возможности использования доказательств, пути получения которых неправомерны либо сомнительны. С большой ответственностью должен отнестись адвокат к такому виду письменных доказательств, как личная переписка граждан, особенно в случаях, когда она происходила между лицами, не участвующими в деле. Охраняя тайну переписки, закон ограждает личную жизнь человека от постороннего вмешательства. Использование такого источника доказательств требует от адвоката предельной осторожности и такта, чтобы не ввести в процесс личные письма, средства получения которых нравственно небезупречны либо сомнительны. Поэтому адвокат не вправе выдвинуть перед судом личную переписку в качестве доказательства, если клиент не сможет указать легальные пути ее получения². Не только переписка личного характера, но и всякое иное письменное доказательство не может быть использовано адвокатом, если обстоятельства его получения клиентом являются неправомерными. Например, по делу о выселении членом ЖСК своего бывшего супруга по тем мотивам, что присужденная ответчику часть паенакопления была перечислена на его счет в сберегательной кассе и израсходована им, адвокату была представлена сберегательная книжка на имя ответчика. Записи в этой книжке действительно подтверждали, что паевой взнос был получен ответчиком и израсходован им. Это обстоятельство могло быть расценено как его отказ от права пользования кооперативной жилой площадью, компенсацию за которую он добровольно получил и истратил. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РСФСР в п. 8 постановления от 28 января 1970 г. № 51 «О выполнении судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1967 г. «О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении судами дел по спорам между гражданами и жилищно-строительными кооперативами», получение супругом пайщика ЖСК по его просьбе денежной компенсации за часть паенакопления

¹ См.: Речи советских адвокатов по гражданским делам, с. 159.

² См.: Правила адвокатской профессии в России, с. 163.

влечет за собой утрату права пользования кооперативной квартирой¹. Поэтому требование о выселении ответчика представлялось правомерным. Однако поскольку лицо, обратившееся к адвокату, не смогло объяснить, как сберегательная книжка ответчика оказалась у него, а другими данными движение вклада не могло быть подтверждено (в силу ст. 87 Основ гражданского законодательства сберегательная касса не вправе была выслать суду копию лицевого счета ответчика), адвокат отказался от ведения дела ввиду отсутствия легальных возможностей получения необходимых доказательств. В подобной ситуации следует признать, что правовой позиции по делу нет и поручение адвокатом принято быть не может².

Анализ законности спорного интереса и строгий отбор доказательственного материала позволяют адвокату прийти к выводу о **юридической перспективе дела**. Это — третий элемент правовой позиции. Ведение адвокатом юридически безнадежного дела не только влечет за собой для клиента бесполезные и притом невосполнимые расходы и бесцельную трату времени, но и подрывает у суда доверие к адвокату, роняет достоинство и авторитет адвокатуры в целом. Памятуя об этом, адвокат должен откровенно сообщить клиенту о неблагоприятной перспективе процесса, о слабых и ненадежных звеньях его позиции и тех трудностях, с какими может быть сопряжено доказывание фактических обстоятельств, лежащих в основании его притязаний и возражений, чтобы клиент мог ясно представить себе возможный ход дела и принять решение начать или продолжать его ведение в суде. Конечно, оценка юридической перспективы дела неизбежно носит предварительный характер³. При этом адвокат, предвосхищая судебное исследование, производит заранее анализ тех доказательств, которые будут выдвинуты перед судом, возможный результат их проверки в ходе судебного разбирательства, вероятность подтверждения доказательственных фактов, взаимную связь между ними и логический вывод о существовании обстоятельств, лежащих в основании спорного правового интереса.

Действительный ход процесса иногда существенно от-

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР, 1961—1971, с. 135.

² См.: Адвокатура в СССР, с. 153.

³ «Ничто не приносит такого несчастья процессу, — писал Э. Пикар, — как провозглашение его вполне верным».

личается от этих предположений адвоката. Доказательства, кажущиеся вначале недостаточными и не вполне убедительными, в ходе судебного разбирательства приобретают порой неожиданную силу и значимость; некоторые факты, подтверждение которых связано со значительными трудностями, а то и вовсе невозможно ввиду отсутствия необходимых доказательств, могут быть признаны другой стороной; процессуальный противник может оказаться недостаточно стойким и пойти на уступки либо допустит ошибки, предвидеть которые заранее вряд ли было возможно, но которые коренным образом изменят ситуацию в процессе; наконец, может претерпеть изменения судебное толкование правовых норм, регулирующих спорное отношение, и дело, казавшееся безнадежным, завершится вполне благоприятно и т. п. Однако расчет на подобные счастливые случайности никоим образом не может быть определяющим. Для адвоката — общественного деятеля отправление правосудия как торжество закона, правды и справедливости несовместимо с представлением об игре случайных сил; его чести и достоинству представляемой им профессии не соответствует участие в деле, в безнадежности которого он убежден.

Обсуждение вопроса о юридической перспективе дела предполагает строгий учет тенденций судебной практики по данной категории гражданских дел. Правильно оценить вероятный финал судебного спора невозможно исходя только из законности спорного интереса и наличия необходимых доказательств для его утверждения перед судом. Если при этом не принимать во внимание складывающуюся линию судебной практики по разрешению споров определенной категории, оценка юридической перспективы дела может оказаться по существу академической, а потому неверной.

Учет тенденций судебной практики по определенной категории гражданско-правовых споров, конечно, не означает, что адвокат не вправе во всех случаях принимать поручение на ведение дела, если ряд других аналогичных дел не нашел благоприятного разрешения. Наоборот, последовательное и принципиальное проведение на всех стадиях процесса такого толкования закона, которое исходит из правильного понимания его содержания и смысла и в наибольшей степени соответствует природе правового института, регулирующего спорное от-

ношение, может привести к успешному разрешению дела, перспектива которого представлялась не вполне благоприятной. Настойчивая и целеустремленная борьба адвоката за правильное применение закона, обжалование судебных решений в кассационном порядке, а также в порядке судебного надзора, когда адвокат убежден в том, что судебная ошибка является результатом неверного уяснения судом существа нормы материального права, приводит не только к пересмотру неправильно разрешенного дела, но и порой влечет за собой публикацию постановлений высших судебных органов на страницах юридической печати, что определяет в конечном счете новую линию судебной практики по определенной категории гражданско-правовых споров.

Так, при разрешении споров, связанных с применением законодательства о жилищно-строительной кооперации, в судебной практике наметились тенденции, которые отрицательно сказывались на защите прав граждан. В Ленинграде при вступлении членов семьи нанимателя в жилищно-строительный кооператив жилищные органы требовали, чтобы оставшиеся в ранее занимаемом помещении лица выдавали обязательство о переезде на меньшую жилую площадь, а в дальнейшем предъявляли в суде иски о переселении этих лиц в целях изъятия у них внутрикомнатных излишков. Хотя эта практика находилась в очевидном противоречии со ст. 59 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 316 ГК РСФСР), юридическая перспектива таких дел при защите интересов ответчиков складывалась неблагоприятно. Однако адвокаты Ленинграда последовательно проводили свою позицию при рассмотрении таких дел, суть которой сводилась к тому, что обязательство о переезде оставшихся проживать по старому месту жительства лиц (после выезда членов семьи в квартиру в доме ЖСК) на меньшую по размеру жилую площадь противоречит закону, а потому не должно влечь за собой юридических последствий. В 1969 году эта позиция была разделена Судебной коллегией по гражданским делам и Президиумом Верховного Суда РСФСР по делу Пастушенко¹.

В Москве жилищные органы отказывали в разреше-

¹ См.: Горнштейн Я. И. Жилищно-строительный кооператив в РСФСР. Практическое пособие по правовым вопросам. Л., Изд-во ЛГУ, 1970, с. 34.

нии на обмен кооперативной жилой площади, ссылаясь при этом на мотивы, не соответствующие действующему законодательству и Примерному уставу ЖСК. Несмотря на произвольный характер таких отказов, юридическая перспектива по таким делам при защите интересов истцов, оспаривавших отказ в разрешении на обмен, была неблагоприятной, что существенно нарушало права членов кооперативов. Эта практика была изменена после вынесения в 1966 году Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РСФСР решения по делу Романовой, в котором была признана правильной позиция адвоката, отстаивавшего тезис о недопустимости отказа в разрешении на обмен при отсутствии законных к тому препятствий¹. В дальнейшем позиция адвокатов, выдвинутая и успешно защищенная ими по делам Пастушенко и Романовой, была закреплена в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 января 1970 г. № 51 (пп. 13 и 16)². Судебная перспектива защиты интересов клиентов по этим категориям споров, являвшаяся вначале весьма неблагоприятной, теперь существенно изменилась к лучшему. Эти примеры показывают, сколь вдумчивым и принципиальным должен быть подход адвоката к оценке такого элемента правовой позиции, как юридическая перспектива дела.

Наконец, при обсуждении вопроса о возможности принятия поручения по делу адвокат должен учитывать, что гражданское судопроизводство завершается не провозглашением решения, а его исполнением. Конечная цель клиента по большинству гражданских дел (по искам о присуждении) состоит в реальном получении присужденного ему решением суда имущества или денег. Поэтому, обсуждая юридическую перспективу дела, адвокат должен иметь в виду не только вероятность успешной защиты интересов клиента путем утверждения его правоты перед судом и вынесения решения в его пользу, но и реальность исполнения решения суда. Например, если клиент обращается с просьбой о ведении дела по иску о признании недействительным завещательного распоряжения на вклад в сберегательной кассе по тем основаниям, что в момент совершения этой сделки наследодатель по состоянию здоровья не мог по-

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1967, № 7, с. 4.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР, 1961—1971, с. 136.

нимать значения своих действий и руководить ими (ст. 56 ГК РСФСР), адвокат должен обсудить не только вероятность подтверждения обстоятельств, определяющих недействительность акта, но и наличие у ответчика имущества, на которое можно обратить взыскание в случае благоприятного исхода дела. Если полученная ответчиком по завещательному распоряжению сумма значительна по размеру, а соответствующего ей по стоимости имущества у него не имеется, юридическая перспектива дела представляется неблагоприятной. Разъяснив это клиенту, адвокат должен посоветовать ему в подобной ситуации вместо обращения в суд попытаться достичь соглашения на компромиссных условиях и т. п.

Решение адвоката о возможности принятия поручения должно быть результатом строго объективного анализа наиболее вероятного хода процесса с учетом недостатков и слабостей в позиции клиента и самых сильных доводов и соображений противной стороны. Поэтому обсуждение юридической перспективы дела составляет необходимый элемент решения адвокатом вопроса о наличии правовой позиции.

Нравственный аспект дела как один из элементов правовой позиции подлежит обсуждению наряду с анализом юридических оснований для принятия поручения. Установив законность спорного интереса, достаточность достоверных доказательств для его утверждения и защиты в суде и благоприятную перспективу процесса, адвокат исследует нравственную основу заявленных требований и возражений, соответствие целей и намерений обратившегося за помощью лица этическим воззрениям социалистического общества. Прежде всего следует убедиться, что намерения клиента не вызывают никаких сомнений с этической стороны, что цели, которые он преследует в процессе, нравственно оправданы и безупречны. Для советского адвоката как общественного деятеля принципиально недопустима защита интересов, лишь формально основанных на законе, но этически не оправданных, так как в нашем обществе не может быть противоречия между требованиями нравственности и права.

Нельзя не отметить, что осмотрительность при оценке нравственной чистоты дела, с просьбой о ведении которого обращается клиент, рассматривалась как не-

обходимое условие адвокатской деятельности и в работах прогрессивных представителей буржуазной адвокатуры, в которых можно встретить декларацию высоких нравственных критериев, обязательных для адвоката при выборе дел. «Браться за дело нравственно сомнительное, — писал М. Молло, — значило бы подвергнуть сомнению и свою собственную нравственность»¹. Аналогичные требования выдвигались и в русской литературе. «Адвокат должен быть осмотрителен, строг и разборчив в выборе своих дел, никогда не поддерживать недобросовестных требований и отклонять от себя всякое сомнительное дело»². Однако для буржуазной адвокатуры требование нравственной порядочности при выборе дел оставалось в большинстве случаев благим пожеланием, разительно отличавшимся от реальностей антагонистического классового общества и его системы правосудия.

Принципиально иное значение имеет критерий нравственной безупречности спорного правового интереса для советских адвокатов, призванных законом быть образцом моральной чистоты и безукоризненного поведения и содействовать всей своей деятельностью правовому и нравственному воспитанию советских граждан. Обсуждая вопрос об этическом аспекте дела, адвокат исходит прежде всего из принципиального положения закона, обязывающего участников гражданского оборота уважать моральные принципы общества, строящего коммунизм (ст. 5 ГК РСФСР). Так, должно быть признано неприемлемым предложение о ведении дела в целях признания утратившей право на жилую площадь престарелой матери истца, длительное время не проживающей в квартире из-за неприязненных отношений с невесткой. Такое требование, формально основанное на законе (ст. 306 ГК РСФСР), нельзя считать нравственно оправданным.

Обсуждение этического аспекта спорного интереса предваряет решение адвоката о возможности принятия поручения и в тех случаях, когда юридическая позиция клиента представляется обоснованной, доказательства в ее подтверждение достоверны и убедительны и перспектива дела кажется вполне благоприятной, хотя за-

¹ См.: Правила адвокатской профессии во Франции, с. 44.

² См.: Правила адвокатской профессии в России, с. 93.

щита интереса клиента нравственно невозможна. Квалификация спорного интереса как этически неоправданного требует исключительно внимательного, вдумчивого и осторожного подхода к оценке всех сторон конфликтной ситуации, а в ряде случаев делает необходимым обсуждение этого вопроса с руководством юридической консультации или коллегии адвокатов. Если результатом такого тщательного анализа будет вывод о нравственной недопустимости спорного интереса, в принятии поручения должно быть отказано. Например, клиент сообщает адвокату, что во время его брака с ответчицей была приобретена кооперативная квартира, однако деньги для внесения паевого взноса предоставили родители его жены в виде дара своей дочери, не оформив эту сделку надлежащим образом. При таких обстоятельствах он просит адвоката принять ведение дела о разделе пая. Адвокат должен отказать в этой просьбе, ибо с его честью и достоинством представляемой им профессии несовместима защита заведомо неправого дела. Такой интерес клиента должен рассматриваться как нравственно недопустимый.

Встречаются, однако, и более сложные случаи, когда интерес клиента охраняется законом, объективных препятствий для принятия поручения нет, но от адвоката требуется особая осмотрительность и строгость при решении вопроса о возможности ведения дела. Вот пример из судебной практики. Тяжело больной человек с женой и дочерью получил двухкомнатную квартиру. Впоследствии дочь вышла замуж, в квартиру вселился ее муж, и в распоряжение молодой семьи была выделена одна из комнат. Отношения между семьей дочери и ее родителями обострились, в результате чего зять и дочь обратились с иском о заключении с ними отдельного договора жилищного найма на занимаемую ими комнату с тем, чтобы в дальнейшем ее обменять. Вправе ли адвокат принять поручение по такому делу? Казалось бы, ответ на этот вопрос не представляет какой-либо трудности. Право истцов требовать раздела жилой площади и заключения с ними отдельного договора найма защищено ст.ст. 301, 302 и 313 ГК РСФСР, а их намерение в будущем обменять свою комнату основано на ст. 325 ГК РСФСР. С другой стороны, нельзя не принять во внимание также следующие обстоятельства. Ответчики — старые, больные люди, которые по состоянию

здоровья не могут проживать в коммунальной квартире. Удовлетворение иска неизбежно приведет именно к такому результату. При таких обстоятельствах интерес истцов, которые не желают считаться с родителями, нельзя признать нравственно безупречным¹. В то же время их интересы могут быть защищены без столь существенного ущемления прав и интересов родителей. Для этого достаточно подобрать вариант обмена всей квартиры, по которому родители получают другую отдельную квартиру. Как же следует поступить адвокату? По нашему мнению, надо посоветовать клиентам предложить родителям обменять спорную квартиру по удобному для них варианту. И только в случае необоснованного отказа от обмена поручение на ведение дела о разделе жилой площади может быть принято. В противном случае может возникнуть крайне тягостная ситуация, когда родители, защищаясь от иска, обратятся со встречным требованием об обмене квартиры, и адвокату, убежденному в их нравственной правоте, придется отстаивать формально правильное, но этически крайне сомнительное притязание своих доверителей.

Особого внимания адвоката заслуживают встречающиеся случаи, когда этический аспект спора не вызывает каких-либо сомнений, но средства для его защиты нравственно безупречны, причем не только по способу их получения, но и по сравнительной ценности спорного права, с одной стороны, и заслуживающих внимания интересов противной стороны — с другой. Не все процессуальные методы, на которые рассчитывает клиент, могут быть признаны адвокатом приемлемыми. Нравственно недопустимо, например, оглашать сведения о психическом состоянии другой стороны и тем более ходатайствовать о проверке этого обстоятельства путем экспертизы, если подобные действия предназначены для защиты незначительного материального интереса. Вторжение в личную область жизни гражданина всегда связано с возможностью причинения тяжелой травмы, не оправданной обстоятельствами конкретного дела. Пределы дозволенного в использовании процессуальных методов и средств в значительной мере определяются нравственным чувством поверенного, его тактом и вниманием к людям, сочувствием к чужой боли и страданиям, что требует от адвокатов строгой нравственной са-

¹ См.: Вопросы гражданского права и процесса, с. 190.

модисциплины, воспитания гуманистических принципов в своей профессиональной деятельности, постоянной заботы об общественном авторитете и престиже адвокатской профессии.

Таким образом, адвокату необходимо проявлять особую осторожность, такт и разборчивость для признания допустимыми процессуальных методов и средств, которые могут причинить личный или имущественный ущерб другой стороне, несоразмерный с ценностью спорного интереса. Если поддержание позиции обратившегося лица другими способами невозможно, адвокат не вправе вести дело, не поступаясь достоинством своей профессиональной деятельности.

Вывод: по делу имеется правовая позиция и адвокат может принять поручение на его ведение только в том случае, если он убежден в законности требований и возражений клиента, в подтверждение которых могут быть выдвинуты достоверные доказательства, допускаемые законом и полученные легальным путем, юридическая перспектива дела представляется благоприятной, а спорный правовой интерес и средства его защиты нравственно оправданы и безупречны.

АДВОКАТ И ИСТИНА

Гражданское судопроизводство подчинено интересам установления объективной истины. Хотя законодатель не употребляет этого термина, такой вывод можно сделать из анализа содержания ст.ст. 2, 14, 50 ГПК РСФСР. При осуществлении правосудия роль советского суда не сводится лишь к проверке представленных материалов и беспристрастной констатации доказанности или недоказанности тех обстоятельств, которыми стороны обосновывают свои требования и возражения. Содержание и смысл судебной деятельности определяются стремлением к разрешению дела в строгом соответствии с фактами, имевшими место в действительности.

В достижении цели гражданского судопроизводства (установление по делу объективной истины) большая роль принадлежит адвокатам, выступающим в качестве поверенных лиц, участвующих в деле. Отношение к цели гражданского процесса определяет содержание и этический подтекст деятельности адвоката. Являясь ак-

тивным участником судебного разбирательства, призванным законом содействовать правильному разрешению дела, адвокат выполняет в гражданском процессе функции большого государственного значения: он способствует осуществлению правосудия в целях установления по делу объективной истины. Вместе с тем, выступая в определенном процессуальном качестве как представитель одного из участников гражданско-правового спора, адвокат направляет все свои усилия на защиту прав и охраняемых законом интересов своего доверителя, используя все указанные в законе средства и способы для обоснования правильности разработанной по делу правовой позиции и подтверждения правоты своего клиента. В условиях социализма, где ликвидированы социальные причины конфликтов между правильно понятыми интересами отдельной личности и общества в целом, эта двуединая задача адвоката не порождает какого-либо внутреннего конфликта в его профессиональной деятельности¹. Поддержанием интересов своего доверителя при субъективной уверенности в его правоте адвокат содействует всестороннему и полному исследованию всех материалов дела и правильному его разрешению.

Но если адвокат стремится к установлению объективной истины по делу, то каким образом этот внутренний импульс его профессиональной деятельности сочетается с его процессуальным положением поверенного только одной из сторон, позицию которой он считает правильной и должен защитить и утвердить перед судом? В чем заключается объективность адвоката в оценке фактов и доказательств? И как определяются пределы дозволенного для адвоката, представляющего интересы одного из участников спора, получающего информацию до возникновения процесса и только от своего доверителя и обязанного только ему оказывать всю возможную юридическую помощь в ходе рассмотрения дела, но вместе с тем в силу общественного значения своей профессиональной деятельности призванного содействовать суду в установлении действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон? Для разрешения этих вопросов необходимо рассмотреть специфические черты и особенности судебного представительства

¹ См.: Антимонов Б. С., Герзон С. Л. Адвокат в советском гражданском процессе, с. 3.

ства, осуществляемого адвокатом в гражданском процессе.

Деятельность адвоката-поверенного в гражданском судопроизводстве носит односторонний характер, ибо его процессуальные усилия направлены на ограждение интересов только своего доверителя. Однако в отличие от функции защиты в уголовном процессе, имеющей специфическую направленность в силу прямого указания закона, который обязывает адвоката-защитника использовать все указанные в законе средства и способы для выяснения лишь обстоятельств, оправдывающих обвиняемого либо смягчающих его ответственность (ст. 51 УПК РСФСР), односторонняя ориентация функции гражданско-правового представительства прямо не предписывается нормами Основ гражданского судопроизводства и ГПК. Она вытекает из природы гражданско-правового представительства. В гражданском процессе адвокат всегда является представителем только одной из сторон, в том числе и в случаях, когда он выступает в качестве поверенного процессуальных соучастников (например, нескольких истцов или ответчиков). Не являясь стороной в гражданском процессе, адвокат-поверенный действует на основании и в пределах полученных от клиента полномочий. Однако это обстоятельство не означает, что адвокат обязан защищать любой интерес своего доверителя. Поскольку внутренним стимулом его процессуальной деятельности является стремление к установлению истины по делу, адвокат использует свои профессиональные знания и опыт в целях ограждения только законных интересов клиента; применяемые им процессуальные средства и методы, направленные на подтверждение правоты своего доверителя, объективно содействуют установлению судом действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон. Разрабатывая правовую позицию по делу, разрешая вопрос о законности притязаний и возражений клиента, отбирая в их подтверждение лишь достоверные доказательства, допускаемые законом для данного вида правоотношений, констатируя благоприятную юридическую перспективу дела и нравственную безупречность спорного интереса, адвокат тем самым определяет одностороннюю направленность своих процессуальных действий на основе фактического и доказательственного материала данного конкретного дела. Он

исходит при этом из того, что защита и обоснование разработанной правовой позиции в целях ограждения интересов своего доверителя объективно содействуют созданию необходимых условий для правильного разрешения дела судом. Поэтому задача адвоката по защите личных интересов клиента не может быть противопоставлена содействию правосудию в правильном разрешении дела как общей цели всех участников судебной деятельности. Следовательно, односторонний характер деятельности адвоката-поверенного не может рассматриваться как определяющий момент гражданско-правового представительства.

С другой стороны, сама природа отношений адвоката с клиентом, основу которой составляет личное доверие к избранному поверенному, определяет направленность действий адвоката, непосредственной задачей которого всегда является подтверждение правовой позиции по делу и обоснование правоты своего доверителя. Представляя одного из равноправных участников гражданско-правового спора, используя все предусмотренные законом средства и способы для установления обстоятельств, являющихся основанием требований и возражений клиента, адвокат защищает тем самым права и интересы своего доверителя и оказывает ему необходимую юридическую помощь в процессе. Таким образом, односторонняя направленность процессуальных действий адвоката-поверенного, не являясь определяющей чертой гражданско-правового представительства, вытекает вместе с тем из природы отношений адвоката с клиентом, основу которой составляет личное доверие, а также из содержания гражданского процесса как состязания равноправных сторон под контролем и при активном участии государственного органа — суда.

Участие в гражданском процессе адвокатов, представляющих противоположные интересы сторон, содействует соблюдению всех тех процессуальных гарантий, которые установлены законом в целях создания необходимых условий для установления истины по каждому делу. Одним из таких условий является возложенная на лиц, участвующих в деле, обязанность добросовестно пользоваться своими процессуальными правами (ст. 30 ГПК РСФСР). Хотя ГПК РСФСР и некоторых других союзных республик не относят адвокатов к числу лиц, участвующих в деле, не может быть сомнения, что эта

обязанность лежит также и на адвокатах-поверенных¹. Для адвоката-поверенного, сознающего общественное значение своей профессиональной деятельности, требование добросовестного пользования процессуальными правами является не только юридической, но и глубоко нравственной обязанностью. Неприемлемыми должны быть признаны такие процессуальные средства и методы, которые создают препятствия для быстрого и правильного рассмотрения и разрешения гражданских дел (например, утаивание доказательств в целях представления их в «удобный» момент, что может повлечь задержку в разбирательстве дела и привести к волоките; сокрытие данных для отвода судей и других участников процесса, чтобы воспользоваться этим обстоятельством в случае неблагоприятного исхода дела, и т. п.). Подобные действия адвоката не могут расцениваться иначе, как забвение им своего профессионального долга, несовместимое с основными началами адвокатской этики. Адвокат должен разъяснить клиенту недопустимость такого поведения в процессе и удержать его от подобных действий. Более того, адвокат обязан, даже вопреки воле клиента, совершить все те процессуальные действия, которые необходимы для правильного отправления правосудия (заявить ходатайство об отложении разбирательства дела, если не все лица, участвующие в деле, извещены о времени и месте его рассмотрения либо при отсутствии всех необходимых доказательств и т. п.). Если адвокат не считает возможным, в силу своего общественного положения как профессионального участника судебной деятельности, совершить те или иные процессуальные действия, он не вправе советовать клиенту сделать это от своего собственного имени. Подобный совет был бы несовместим с личной честью адвоката и достоинством носимого им звания, а также с общественным престижем адвокатуры. Таким образом, добросовестность при ведении дел в использовании процессуальных средств и методов защиты интересов клиента является не только юридической обязанностью, но

¹ См.: Любарская Г. Деятельность адвокатов по гражданским делам. — «Сов. юстиция», 1968, № 17, с. 7. В ГПК тех союзных республик, которые относят представителей к числу лиц, участвующих в деле, эта обязанность прямо предусмотрена законом. Недобросовестное ведение дела влечет за собой ответственность в дисциплинарном порядке или в порядке общественного воздействия (ст. 117 ГПК УССР).

и нравственным долгом советского адвоката, призванного законом содействовать созданию необходимых условий для установления судом действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон.

Безупречная честность при ведении дел — руководящий принцип адвокатской деятельности как общественного служения. Это этическое требование в равной мере обязательно как для адвоката-защитника в уголовном процессе, так и для адвоката-поверенного по гражданскому делу. Как общественный деятель, участвующий в отправлении правосудия, адвокат ни при каких обстоятельствах не вправе искажать истину, он не может прибегать ко лжи при осуществлении своих процессуальных функций. Однако сводить принцип правдивости только к обязанности быть безупречно честным при ведении дел и добросовестно пользоваться своими процессуальными правами было бы неправильным. Не следует забывать, что адвокат участвует в деле по воле своего клиента, который пригласил его в целях оказания именно ему юридической помощи. Но если адвокат, действующий на основании и в пределах полученных от клиента полномочий, может приводить лишь соображения, благоприятные для своего доверителя и подтверждающие его правоту, если его деятельность в суде носит односторонний характер, в чем же тогда выражается принцип правдивости как одно из важнейших начал адвокатской деятельности?

Требование правдивости заключается прежде всего в критической оценке адвокатом фактического и доказательственного материала дела. Если факты вызывают сомнения, если есть основания полагать, что выдвинутые перед судом данные свидетельствуют об иной картине событий, чем та, которую отстаивает процессуальный противник, если обстоятельства, лежащие в основании спорного интереса, возможно, вообще не имели места либо существовали в ином виде, адвокат не только вправе, но и обязан использовать эти сомнения в интересах, наиболее благоприятных для своего доверителя. Но если адвокату достоверно известно о существовании определенных фактов, он не может выдвигать перед судом доводы в их опровержение либо отрицать их наличие.

Особое значение имеет вопрос об источниках сведений адвоката об обстоятельствах, имеющих значение

для разрешения гражданского дела. Если осведомленность о тех или иных фактах не связана с исполнением профессиональных обязанностей, адвокат может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля, и его показания явятся источником сведений о фактических обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу. Приоритет интересов правосудия, нравственный долг адвоката как общественного деятеля должны побудить его в таком случае, как уже было указано, отказаться от принятия поручения по делу. Но если фактические данные стали известны адвокату от его доверителя, он должен отнестись к этому сообщению с известной настороженностью. Адвокат не может не учитывать, что его клиент является лицом, непосредственно заинтересованным в исходе дела, а потому получаемая от него информация в известной мере субъективна и подлежит критической оценке. Но коль скоро сообщение клиента о фактической стороне дела объективно подтверждается другими материалами, факты не вызывают сомнений и адвокат убежден в соответствии полученной информации действительности, он не вправе оспаривать эти обстоятельства по тем мотивам, что доказательства в их подтверждение, выдвинутые процессуальным противником, недостаточно убедительны либо не вполне достоверны.

Предельная строгость в признании фактов, доказанность которых не вызывает сомнений, отнюдь не означает, что адвокат должен сообщать суду все факты, которыми он располагает, в том числе и неблагоприятные для своего клиента. В противном случае были бы попораны основы взаимоотношений адвоката с клиентом, покоящиеся на личном доверии, и разрушены нравственные основания гражданско-правового представительства.

Но если адвокат должен быть предельно строг и точен в своих утверждениях относительно фактов¹, не допуская отрицания либо искажения достоверно известных и доказанных обстоятельств, его процессуальное положение как представителя лишь одного из участников гражданско-правового спора не только дает ему право, но и предписывает группировать факты с точки зрения защищаемой им правовой позиции, интерпрети-

¹ «Если точность есть вежливость королей, — писал Э. Шкар — она же богатство адвокатов». — Об адвокате (парадокс), с. 74.

ровать их в смысле, наиболее благоприятном для интересов его доверителя. Максимальная объективность в констатации фактических обстоятельств дела в сочетании с их субъективной группировкой и оценкой — такая практическая реализация требования правдивости в деятельности адвоката-поверенного, подчиненной целям установления объективной истины и направленной на защиту прав и законных интересов своего клиента.

Всей своей деятельностью в гражданском судопроизводстве адвокат стремится убедить суд в правоте защищаемого им дела. Субъективная уверенность в законности прав своего доверителя, профессиональная добросовестность при выборе дел и безупречная честность в методах и средствах их ведения, предельная требовательность к себе и чистота моральных принципов — необходимые условия представительства, осуществляемого адвокатом в гражданском процессе. Объективным результатом такого понимания адвокатом целей и задач своей деятельности являются содействие правосудию в установлении истины по делу и защита тем самым прав и охраняемых законом интересов доверителя.

АДВОКАТСКАЯ ТАИНА

Для адвокатской деятельности, публично-правовой по своему содержанию и односторонней по своей направленности, чрезвычайно важное значение имеет принцип адвокатской тайны, установленный законом в интересах нормального отправления социалистического правосудия, ограждения доверительного характера отношений между адвокатом и его клиентом и укрепления авторитета и общественного престижа советской адвокатуры. Статья 33 Положения об адвокатуре РСФСР и соответствующие статьи Положений об адвокатуре других союзных республик установили, что адвокат не должен разглашать сведения, сообщенные ему в связи с оказанием юридической помощи. Это общее правило, имеющее принципиальный характер, конкретизируется в Положениях, а также в ГПК и УПК союзных республик, устанавливающих свидетельский иммунитет для адвокатов в гражданском и уголовном судопроизводстве. Согласно п. 1 ст. 61 ГПК РСФСР не могут быть вызваны и допрошены в качестве свидетеля представители по

гражданскому делу или защитники по уголовному делу — об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя или защитника. Пунктом 1 ст. 72 УПК РСФСР предусмотрено, что не может быть допрошен в качестве свидетеля защитник обвиняемого об обстоятельствах дела, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника. Указанные нормы процессуального законодательства имеют императивный характер, они не только дают право адвокату отказаться от дачи показаний в качестве свидетеля, но и запрещают органам предварительного следствия, а также суду при рассмотрении уголовных и гражданских дел допрашивать адвокатов как свидетелей, причем даже в тех случаях, когда адвокаты, в силу тех или иных обстоятельств, пожелали бы дать такие показания.

Принцип адвокатской тайны установлен законом и, следовательно, является правовой нормой, определяющей в ряде случаев права и обязанности участников процессуальной деятельности при отправлении правосудия. Вместе с тем это процессуальное правило, относящееся прежде всего к адвокатам, имеет глубоко нравственное содержание, что делает его одним из важнейших принципов профессиональной адвокатской этики.

Адвокатскую тайну составляют только те факты и обстоятельства, которые стали известны адвокату в связи с оказанием им юридической помощи. С какого же момента адвокат овладевает тайной клиента и, следовательно, оказывается связанным ею и потому обязан хранить ее? Если исходить из буквального текста ст. 33 Положения об адвокатуре РСФСР, то может возникнуть представление, что начальным моментом тайны является получение информации после принятия поручения на ведение конкретного дела. Однако такой вывод следует признать ошибочным, ибо при подобном понимании вся информация, полученная адвокатом при консультации клиента, а также во время обсуждения вопроса о возможности ведения дела, не охватывается понятием адвокатской тайны. Но тогда следовало бы признать правомерным принятие поручения на ведение дела в интересах одной из сторон в процессе, хотя ранее адвокат консультировал ее процессуального противника. Нравственная недопустимость такой ситуации совершенно очевидна, а потому, установив во время беседы с

лицом, обратившимся с просьбой о ведении дела, что ранее у него получила консультацию другая сторона по этому же делу, адвокат должен, как уже было указано выше, отказаться от принятия поручения. В противном случае факты, которые стали известны адвокату при даче консультации и которые составляют по своему содержанию тайну клиента, могли бы быть использованы адвокатом при защите интересов его процессуального противника. Нельзя признать состоятельным и тот довод, что адвокат, узнавший об определенных обстоятельствах во время консультации, сохранит их в тайне от своего доверителя при ведении дела. Ложность положения, в котором оказался бы адвокат, конспирируя от доверителя, в тщетном стремлении сохранить собственное достоинство, создает для него крайне тягостную ситуацию и наносит серьезный ущерб общественному престижу адвокатуры. Поэтому следует признать, что сведения, сообщенные во время консультации, составляют по своему содержанию адвокатскую тайну.

Адвокатская тайна возникает независимо от источника полученных сведений: эти сведения может сообщить лицо, которое впоследствии окажется стороной по гражданскому делу; информация может исходить от лиц, в деле не участвующих, но по какой-либо причине обратившихся за советом по вопросу, связанному со спорной правовой ситуацией; данные могут исходить от доверителя во время ведения адвокатом его дела в суде; наконец, осведомленность об обстоятельствах, имеющих значение для дела, может иметь своим источником письменные материалы, полученные по запросу юридической консультации в порядке ст. 26 Положения об адвокатуре РСФСР, и т. п. Во всех этих случаях адвокат оказывается обладателем сведений, которые он обязан хранить и не может разглашать. Если окажется, что полученная информация разрушает разработанную правовую позицию по делу, адвокат должен разъяснить клиенту сложившееся положение вещей и прекратить поручение, если договор с юридической консультацией уже заключен. Например, при ведении дела о разделе наследственного имущества по запросу юридической консультации был получен документ, подтверждающий усыновление клиента посторонним лицом, что лишало его права на наследство (ч. 6 ст. 532 ГК РСФСР, ч. 2 ст. 108 КоБС РСФСР). Продолжение поручения при та-

ких обстоятельствах было бы грубым нарушением адвокатом своего профессионального долга. Поэтому, получив такую информацию, он обязан прекратить поручение, не разглашая, однако, неблагоприятной для его доверителя информации, содержание которой составляет тайну клиента.

Круг сведений, охватываемых понятием «адвокатская тайна», включает не только факты, неблагоприятные для клиента, но и данные, которые он по каким-либо соображениям не желает сделать предметом судебного исследования, хотя они могут подкрепить его позицию (например, клиент не хочет допустить обсуждения своих отношений с каким-либо лицом). Как те, так и другие сведения, доверительно сообщенные адвокату, не могут быть представлены не только суду. О них адвокат не вправе осведомить противную сторону, а также всех иных лиц, принимающих участие в процессе, либо посторонних для судебного спора. Однако из этого общего правила неверно было бы сделать вывод, что сообщение тех или иных фактов своим коллегам по профессии в целях обсуждения спорных либо сомнительных моментов дела является недопустимым во всех случаях. Адвокат должен исходить из того, что такой разбор спорной правовой ситуации, с ведома или с согласия клиента, может быть признан приемлемым лишь в интересах дела, а потому требует от адвоката особой вдумчивости, такта и осмотрительности, чтобы не допустить неосторожного разглашения сведений, не вызываемого необходимостью. Удовлетворение праздного любопытства путем сообщения материалов, не подлежащих разглашению, поскольку они содержат охраняемую законом тайну клиента, не соответствует личной чести адвоката и достоинству носимого им звания.

Если доверитель адвоката по каким-либо соображениям счел возможным раскрыть содержание материалов, составляющих тайну, нельзя считать, что адвокат во всех случаях освобождается от необходимости ее хранить. Следует учитывать, что информация, исходящая от адвоката, может быть воспринята как несравненно более авторитетная и значимая, чем сообщение его доверителя, она может получить большой резонанс и нанести ущерб интересам лиц, в деле не участвующих. Так, признание клиентом своего отцовства, сделанное им в закрытом судебном заседании, не дает адвокату

права публично заявлять об этом, так как подобная нескромность, не вызываемая к тому же интересами дела, может отразиться на других лицах и причинить им моральную травму. Вот почему раскрытие тайны клиентом отнюдь не освобождает адвоката от нравственной обязанности воздерживаться от разглашения известных ему сведений, особенно вне стен зала судебного заседания.

Действуя в интересах своего доверителя, адвокат может в отдельных случаях, получив на это согласие клиента, раскрыть содержание фактов, составляющих охраняемую законом тайну, если это представляется целесообразным по обстоятельствам данного дела. Так, по общему правилу, содержание переговоров адвоката с лицом, обратившимся с просьбой о ведении дела, не подлежит разглашению, так как это может обнаружить слабые и сомнительные моменты в правовой позиции, которую адвокат согласился защищать перед судом. Однако иногда оказывается полезным для дела приоткрыть завесу над такой доверительной беседой, чтобы показать, как возникавшие при подготовке к судебному разбирательству сомнения в законности притязаний клиента были успешно преодолены. Примером такого использования обстоятельств, составляющих по своему содержанию охраняемую законом тайну клиента, может служить речь члена МГКА И. И. Склярского по делу Черкова¹.

Срок хранения сведений, обладателем которых стал адвокат в связи с оказанием им юридической помощи, законом не установлен. Из этого следует, что адвокат должен хранить вверенную ему тайну не только во время ведения дела, но и после его окончания, независимо от стадии процесса, в которой участвовал адвокат, а также от мотивов, по которым поручение было прекращено по желанию клиента либо по инициативе поверенного. Необходимо учитывать, что пересмотр вступивших в законную силу решений суда по гражданским делам никаким сроком не ограничен, а потому нескромность адвоката, разгласившего охраняемую тайну даже по прошествии значительного времени после окончания дела, может повлечь его пересмотр в порядке надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам и повредить тем самым интересам клиента.

Защитительная направленность профессиональной

¹ Речи советских адвокатов по гражданским делам, с. 88—90.

деятельности советских адвокатов, составляющая ее определяющую черту независимо от выполняемой функции в гражданском и уголовном судопроизводстве, побуждает поверенных и защитников постоянно помнить о значении института адвокатской тайны для укрепления общественного доверия к адвокатуре, повышения ее престижа и авторитета. Сохранение вверенной тайны клиента является, таким образом, не только профессиональной обязанностью адвокатов, но и их важнейшим нравственным долгом как общественных деятелей.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА

Принцип процессуальной самостоятельности адвоката-поверенного, определяющий пределы возможных расходов с клиентом в отношении материально-правовой природы спорного правоотношения, отбора средств и методов защиты и утверждения правовой позиции по делу, обуславливает вместе с тем те нравственные критерии, сообразуясь с которыми адвокат оценивает приемлемость и дозволенность намерений и действий своего доверителя в ходе процесса с позиции их законности, целесообразности и моральной оправданности и принимает решения по возникающим при рассмотрении дела вопросам. Поэтому самостоятельность адвоката и независимость его от клиента при исполнении своих профессиональных обязанностей являются одним из этических начал адвокатской деятельности.

В гражданском судопроизводстве адвокат участвует по воле своего доверителя, на основании и в пределах полученных от него полномочий, которые доверитель в любой момент может отозвать, прекратив договор поручения односторонним заявлением (п. 1 ст. 401 ГК РСФСР). Однако это ни в коем случае не означает, что адвокат становится слугой клиента, беспрекословно обязанным выполнять любые его пожелания, независимо от их законности, приемлемости и нравственной дозволенности. Будучи членом общественной организации, призванной защищать лишь законные и нравственно безупречные интересы, советский адвокат не является частным поверенным, подрядившимся служить лицу, по приглашению которого он вступает в процесс. Хотя адвокат участвует в гражданском судопроизводстве не

как сторона, а лишь как ее представитель, он самостоятельно принимает решение о совершении тех или иных процессуальных действий и связан волей своего клиента лишь в отношении конечной цели процесса — обоснования правоты доверителя. Получив полномочия на ведение дела, что подтверждается ордером, выдаваемым юридической консультацией, адвокат приобретает тем самым право на совершение от имени своего доверителя всех процессуальных действий, кроме таких, которые содержат элементы материальной и процессуальной диспозитивности, а потому требуют для их совершения особых полномочий — признания иска, отказа от исковых требований, заключения мирового соглашения, обжалования решений суда и др. (ст. 46 ГПК РСФСР). Если такие особые полномочия адвокату не предоставлены в специально выданной клиентом доверенности, он не обладает в полной мере процессуальной свободой и самостоятельностью.

Как представитель стороны, действующий в пределах полученных им полномочий, адвокат-поверенный не может разойтись со своим доверителем по существенным моментам ведения дела. Так, адвокат не вправе, основываясь на данных судебного разбирательства, поддержать требования или возражения своего доверителя лишь частично, причем даже в том случае, если клиент выразит на то свое согласие. Отказ от поддержания части притязаний либо возражений доверителя по существу означает переход на сторону своего процессуального противника, что недопустимо как с точки зрения правильно понятых интересов клиента, так и ввиду общественного престижа адвокатской деятельности. Защита адвокатом лишь части требований своего доверителя неминуемо подорвет доверие к правовой позиции по делу в целом и объективно будет содействовать ее критике и опровержению. Нельзя не учитывать, что суждение адвоката о силе и убедительности доказательственного материала либо о юридической оценке спорных обстоятельств, сложившееся у него во время рассмотрения дела, может оказаться неубедительным и не будет воспринято судом, и, несмотря на частичную сдачу адвокатом своих позиций, решением суда интересы его доверителя будут защищены в полном объеме. Поэтому следует признать не соответствующим достоинству адвокатской деятельности поддержание адвока-

том лишь части исковых требований либо возражений доверителя, в то время как в отношении другой их части адвокат не выскажет своего мнения или оставит решение этого вопроса «на усмотрение суда».

С другой стороны, вполне допустимы расхождения адвоката-поверенного со своим клиентом относительно средств и способов защиты его интересов, в частности, по поводу возможности использования процессуальных методов, которые клиент считает приемлемыми, но адвокат рассматривает как этически недопустимые. Если, например, сообщенные свидетелем данные были опровергнуты в ходе судебного разбирательства и клиент хочет добиться привлечения его к ответственности за дачу ложных показаний, адвокат, памятуя о защитительной направленности своей профессиональной деятельности, не может поддержать этого намерения и ограничится выявлением неправды в показаниях свидетеля.

Принимая участие в деле в целях защиты законных интересов клиента и обоснования его правоты перед судом, адвокат, однако, не связан позицией своего доверителя по процессуальным вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства. Так, адвокат должен ходатайствовать об отложении разбирательства дела, если отсутствуют данные о вручении повесток сторонам и третьим лицам, не явившимся в судебное заседание (ч. 1 ст. 157 ГПК РСФСР), либо возражать против допроса свидетелей в отсутствие другой стороны (ст. 162 ГПК РСФСР), а также ее представителя-адвоката, даже если клиент придерживается противоположного мнения, так как позиция последнего, основанная подчас на юридической неосведомленности, никоим образом не связывает процессуальной самостоятельности поверенного. Исходя из чувства профессиональной солидарности, адвокат, вопреки желанию своего доверителя, должен поддержать просьбу другой стороны об отложении разбирательства дела в случае неявки ее представителя по уважительным причинам, равно как и при намерении противной стороны пригласить адвоката для защиты своих интересов.

Особое значение имеет независимость адвоката от своего доверителя в юридической оценке фактов, входящих в предмет судебного исследования, а также в использовании средств доказывания для подтверждения

искомых обстоятельств. Так, исходя из требований принципа относимости (ст. 53 ГПК РСФСР), адвокат, вопреки мнению клиента, представляет суду свои соображения об ограничении доказательственного материала, если обстоятельства, которые могут быть установлены представленными доказательствами (например, показаниями свидетелей), не имеют значения для дела. Вполне допустимы также расхождения адвоката со своим доверителем и в отношении использования доказательств, если оно противоречит началу допустимости (ст. 54 ГПК РСФСР). В вопросах юридической квалификации спорного отношения, в частности, в случае недостаточности фактических обстоятельств, на которых была основана согласованная с клиентом правовая позиция по делу, адвокат не связан суждением доверителя и вправе прибегнуть к иной системе защиты его интересов, если ход судебного разбирательства этого требует. Например, если доказательств заключения сделки под влиянием обмана (ст. 58 ГК РСФСР) оказывается недостаточно, адвокат может выдвинуть соображения о признании ее недействительной как заключенной вследствие заблуждения, имеющего существенное значение (ст. 57 ГК РСФСР).

Таким образом, то обстоятельство, что адвокат участвует в гражданском процессе не как сторона, а лишь как ее представитель, принявший на себя ведение дела в пределах предоставленных ему полномочий, отнюдь не означает зависимости адвоката-поверенного от своего клиента. В советском гражданском процессе адвокат представляет лишь законные и нравственно безупречные интересы своего доверителя, для обоснования и защиты которых им используются лишь такие средства и способы, которые указаны в законе и соответствуют нравственному чувству поверенного, признаются им этически допустимыми, поэтому адвокат сам констатирует наличие правовой позиции по делу и принимает решение о возможности его ведения. Наконец, важным элементом процессуальной самостоятельности адвоката-поверенного и его независимости от своего клиента является право адвоката отказаться от уже принятого поручения.

Положение адвоката-поверенного в гражданском процессе в этом отношении существенно отличается от положения адвоката-защитника по уголовному делу,

который не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого (ч. 5 ст. 51 УПК РСФСР)¹. Право на отказ от уже принятого поручения по гражданскому делу вытекает из содержания п. 2 ст. 401 ГК РСФСР, согласно которому договор поручения прекращается отказом поверенного. Хотя адвокат не является стороной в договоре о судебном представительстве, он непосредственно выполняет все обязанности поверенного в суде и вправе прекратить поручение, если ход судебного разбирательства выявит эту необходимость. Однако использование своего права отказаться от дальнейшего ведения дела требует от адвоката предельного такта и осторожности, чтобы недостаточно продуманное, а порой и поспешное решение прекратить поручение не повредило интересам доверителя. Исходя из смысла ст. 34 Положения об адвокатуре РСФСР и соответствующих статей Положений других союзных республик согласия доверителя на прекращение поручения не требуется. Указанная статья не допускает отказ адвоката только от принятой на себя защиты обвиняемого. Содержащееся в ст. 33 Положения об адвокатуре Литовской ССР и в ст. 20 Положения о коллегиях адвокатов Грузинской ССР правило о необходимости согласия клиента на прекращение поручения следует понимать как недопустимость произвольного немотивированного отказа адвоката от ведения уже принятого гражданского дела². Поскольку закон не содержит никаких предписаний, определяющих условия, порядок и форму столь важного процессуального действия, как прекращение поручения, особое значение приобретают нравственные критерии решения адвокатом этой проблемы.

Необходимо прежде всего отметить, что отказ от поручения не может иметь места под влиянием неблагоприятной ситуации, сложившейся в судебном заседании вследствие коллизии адвоката с судом либо неправильного, с его точки зрения, поведения прокурора или процессуального противника. В распоряжении адвоката есть другие средства, чтобы разрядить ненужную напряженность в судебном заседании, создающую помехи

¹ Однако в некоторых случаях допустимо прекращение поручения на ведение защиты (например, при выявлении обстоятельств, указанных в ст. 32 Положения об адвокатуре РСФСР). См.: Стецовский Ю. И. Указ. соч., с. 36 и сл.

² См.: Адвокатура в СССР, с. 160.

делу защиты интересов его клиента. Он может возражать против действий председательствующего (ч. 2 ст. 145 ГПК РСФСР), просить о занесении в протокол обстоятельств, существенных для дела, делать необходимые заявления и возбуждать ходатайства, если эти средства могут способствовать нормализации хода судебного процесса. Но адвокат не вправе по указанным причинам отказаться от ведения дела, что могло бы быть истолковано как малодушное стремление выйти из острой ситуации, в которой оказался его клиент и вверенное им адвокату дело. Такое поведение адвоката не соответствует его личной чести и достоинству носимого им звания.

Отказ от принятого поручения — весьма ответственное процессуальное действие, которое означает прежде всего резкое изменение процессуального положения сторон. Дело не только в том, что противная сторона, возможно, также воспользовалась своим правом пригласить адвоката, и прекращение представительства оставит клиента без юридической помощи в тот момент, когда он особенно остро в ней нуждается. Главная опасность для интересов доверителя состоит в том, что отказ адвоката от дальнейшего ведения дела может создать впечатление ненадежности правовой позиции клиента, от защиты которой устраняется даже его поверенный. Учитывая эти возможные последствия отказа от дальнейшего ведения дела, адвокату следует прибегать к этой мере только в случаях, безусловно необходимых, используя все возможные средства для ограждения интересов клиента¹.

Вопрос об отказе от поручения может возникнуть для адвоката только в случае существенных расхождений с клиентом, которые препятствуют выполнению поверенным его профессиональных обязанностей. Если в ходе рассмотрения дела выявится незаконность либо необоснованность требований или возражений, недостаточность или недостоверность доказательств, а также иные пороки позиции по делу, защита интересов клиента может оказаться невозможной или нравственно недопустимой. В этой ситуации адвокат должен принять все меры для отыскания наиболее целесообразных

¹ См. рецензию В. Елизарова на книгу Ильинской И. М. и Лесницкой Л. Ф. «Судебное представительство в гражданском процессе». — «Сов. юстиция», 1964, № 18, с. 28—29.

средств для разрешения возникших затруднений (например, рекомендовать клиенту отказаться от некоторых своих требований, признать частично притязания другой стороны, заключить мировое соглашение и т. п.). Но если разногласия окажутся неустраиваемыми, клиент не даст своего согласия на изменение позиции по делу и в то же время не отменит поручения, честь адвоката и достоинство профессии должны побудить его заявить суду о своем отказе от дальнейшего ведения дела, не раскрывая, однако, существа возникших расхождений. Такое решение, определяемое ходом рассмотрения дела, будет способствовать прежде всего ограждению личного авторитета адвоката, так как освободит его от дальнейшего ведения дела, оказавшегося неправым. Вместе с тем такие действия адвоката будут полезны и для доверителя, ибо от дальнейшего участия в процессе устранился поверенный, убежденный в несостоятельности позиции клиента, что дает последнему возможность пригласить другого адвоката либо продолжить ведение дела самому. Если заявление о прекращении поручения будет сделано адвокатом во время судебного разбирательства, суд не вправе отказать адвокату в его просьбе об освобождении от дальнейшего участия в деле.

Отказ от принятого поручения возможен как в процессе подготовки материалов к судебному разбирательству, так и в ходе рассмотрения дела по существу. Однако в том случае, если представление об ошибочности либо недоказанности правовой позиции сложится у адвоката в результате исследования всех данных фактического и правового порядка при рассмотрении дела по существу, отказ от дальнейшего ведения дела был бы по существу равнозначен переходу на сторону своего процессуального противника: прекращение поручения вместо произнесения речи неминуемо подорвет у суда доверие к позиции, которую адвокат только что защищал. Поэтому по окончании исследования судом материалов дела, но до вынесения решения адвокат не может, не изменив своему долгу и не поправ доверия клиента, отказать ему в защите его интересов. Это единственный момент судебного разбирательства, когда отказ от принятого поручения следует признать недопустимым.

Таким образом, процессуальная самостоятельность и независимость от клиента, являясь необходимым условием исполнения адвокатом своих профессиональных

обязанностей, способствует утверждению общественного авторитета адвокатской деятельности, а потому является одним из важнейших принципов адвокатской этики.

ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИИ

Поскольку деятельность адвоката носит публично-правовой характер, ее содержание и этический подтекст на всех этапах защиты интересов лиц, обратившихся за юридической помощью, определяются осознанием адвокатом своей правовой и нравственной обязанности содействовать охране советского правопорядка и укреплению социалистической законности. Разъясняя клиентам права и обязанности на консультационных приемах, составляя жалобы и заявления правового характера, представляя интересы лиц, участвующих в деле, при рассмотрении споров в суде на всех стадиях гражданского судопроизводства, адвокат должен всегда помнить об общественном значении своей профессиональной деятельности, о чести и достоинстве носимого им звания, должен постоянно заботиться об укреплении авторитета и престижа адвокатуры в целом. Положение адвоката как члена общественной организации, честь и достоинство которой он должен всемерно ограждать и упрочивать, предъявляет особые, повышенные нравственные требования к его поведению не только во время непосредственного исполнения своих профессиональных обязанностей, но также и вне рамок его специальных занятий (в быту¹, в семейных отношениях, в общественной деятельности и т. п.). Внимание и бережное отношение к чести и достоинству адвокатской деятельности, забота об авторитете и общественном престиже адвокатуры, внутренние присущие образу действий адвоката как профессионального участника процесса осуществления правосудия, составляют нравственную основу его поведения. Принцип престижа профессии определяет прежде всего взаимоотношения адвоката с судом как органом социалистического правосудия, он находит свое выражение в отношениях с лицами, участвующими в деле, и другими участниками процесса, а также в чувстве профессиональной солидарности адвокатов-поверенных, представляющих противоположные интересы сторон в

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 6 (пп. 27—29).

гражданско-правовом споре, но всегда являющихся товарищами по профессии.

Безусловное уважение к суду, неизменная сдержанность и самая строгая корректность по отношению к судьям — одно из основных правил поведения адвокатов, обязанных следить за тем, чтобы ни словами, ни действиями не допустить умаления достоинства суда либо дать повод для упреков в недостаточной уважительности к правосудию. Эти правила находят выражение во внешних атрибутах поведения адвоката в судебном заседании: в почтительном тоне при обращении к суду, в том внимании, с каким он относится к предлагаемым вопросам либо распоряжениям суда по тем или иным возникающим в ходе разбирательства дела проблемам и к определениям суда, выносимым по заявлениям и ходатайствам участников процесса, в сдержанной и строгой манере аргументации и т. п. Отступление от этих непереносимых правил поведения нравственно недопустимо, оно подрывает общественный престиж адвокатуры, и потому должно рассматриваться как дисциплинарный проступок. К подобным нарушениям относятся, например, пререкания адвоката с членами суда независимо даже от того, что адвокат считает действия председательствующего или вынесенное судом определение неправильными. Выступая с заявлением в судебном заседании, поддерживая ходатайство, например, об отводе суда или судьи, адвокат должен быть предельно корректным, не допуская выражений, которые могут быть восприняты как неуважительные по отношению к суду. В своем выступлении адвокат не вправе воспроизводить оскорбительные, бестактные слова лица, заявившего отвод (например, своего доверителя), поскольку может возникнуть впечатление, что эти слова исходят от самого адвоката. Если адвокату изменяет самообладание и он позволяет себе нервный тон по отношению к суду, выражает возмущение действиями его членов, высказывает замечания и упреки в их адрес, это должно рассматриваться как недопустимое нарушение норм адвокатской этики и влечь за собой дисциплинарное взыскание¹.

Неизменное уважение к суду требуется от адвоката не только тогда, когда он участвует в рассмотрении де-

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 20 (п. 116), с. 26 (п. 150), с. 32 (п. 190), с. 32 (п. 191), с. 34 (п. 202).

ла, но и тогда, когда он находится в зале судебного заседания, не являясь участником процесса. Бестактные заявления адвоката в адрес суда или его членов, некорректное поведение в отношении суда и граждан, присутствующих в зале заседания, несовместимы с общественным значением адвокатской деятельности, с личной честью адвоката и достоинством носимого им звания и потому заслуживают осуждения. Если адвокат не участвует в рассмотрении дела и находится среди лиц, присутствующих в суде, он не может не сознавать, что его неуважительное отношение к суду является для публики крайне отрицательным примером nepозволительного поведения, подрывающим достоинство суда и наносящим серьезный ущерб общественному престижу адвокатуры. Даже в частном разговоре с участниками процесса адвокат не должен допускать выражений, которые могут создать впечатление, что он порочит суд или его членов.

Предельный такт и сдержанность должен проявить адвокат при оглашении решения суда либо определения суда кассационной инстанции. В этом случае неуместны как выражения удовлетворения, если суд согласился с адвокатом и вынес решение в пользу его клиента, так и какие-либо суждения критического характера и тем более предположения о возможном пересмотре дела на дальнейших стадиях процесса. Неуместность подобных заявлений определяется тем обстоятельством, что выражение недовольства вынесенным решением для адвоката как общественного деятеля принципиально недопустимо, они могут быть истолкованы как оскорбительные для суда.

Не только в устных заявлениях в судебных заседаниях, но также и в процессуальных документах (ходатайствах, жалобах и т. п.) абсолютно nepозволительны бестактные, оскорбительные выражения по отношению к кому бы то ни было и в первую очередь — в отношении суда или судьи. Можно и должно критиковать те или иные суждения суда по процессуальным вопросам либо решение, вынесенное по существу спора, но эта критика должна носить деловой и принципиальный характер и основываться на законе и материалах дела. Не только некорректные по тону суждения должны быть признаны nepозволительными, роняющими достоинство адвокатской деятельности. Адвокат не вправе ссылать

ся в процессуальных документах на неправильные действия суда или судьи, если они не нашли отражения в материалах дела¹, например не подтверждаются протоколом судебного заседания, замечания на который адвокат не принес, либо в случае их отклонения судом. В подобных случаях критические замечания адвоката в адрес суда не могут быть расценены иначе как голословные и бездоказательные, а потому их следует считать этически недопустимыми. Адвокат несет нравственную ответственность за форму и содержание процессуальных документов, не только им самим подписанных, но и составленных им от имени клиента. Нельзя признать совместимым с достоинством адвокатской деятельности такое положение, когда адвокат позволяет, например, употребить в жалобе бестактные и некорректные выражения, однако сам эту жалобу не подписывает и оформляет ее как жалобу своего доверителя.

Если адвокаты должны проявлять к суду должное уважение, неизменную сдержанность и корректность, то они вправе ожидать к себе подобного же отношения от судей. Высокий общественный авторитет, завоеванный советской адвокатурой, добросовестное исполнение адвокатами своих профессиональных обязанностей по защите прав и охраняемых законом интересов клиентов определяют в большинстве случаев уважительное отношение судей к их деятельности и к достоинству носимого ими звания. Однако, к сожалению, на практике иногда встречаются случаи неправильного поведения некоторых судей, их нетактичного отношения к участникам процесса, что было осуждено постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения судами РСФСР»². Столкнувшись с нарушением своих процессуальных прав со стороны председательствующего в судебном заседании, с его неправильными действиями, а также с его нетактичным к себе отношением, адвокат должен использовать все законные средства для создания необходимых условий осуществления функции судебного представительства и ограждения своей личной чести и достоинства носимого звания. Такие действия адвоката,

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 31 (п. 178).

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР, 1961—1971, с. 96.

основанные на законе и определяемые его процессуальным положением, являются не только правом адвоката, но и его нравственной обязанностью. Адвокат должен учитывать, что неправильное, нетактичное отношение председательствующего к нему лично затрагивает достоинство адвокатуры в целом как общественной организации, призванной законом к выполнению функции публично-правового значения, а потому его возражения против подобных действий направлены на защиту общественного престижа адвокатской профессии.

Арсенал процессуальных средств и методов, используемых адвокатом в целях защиты интересов клиента и ограждения своей чести и достоинства носимого им звания, общественного авторитета и престижа адвокатской деятельности, весьма широк. Согласно ч. 2 ст. 145 ГПК РСФСР адвокат может устно или письменно заявлять свои возражения против действий председательствующего. Эти возражения подлежат обязательному занесению в протокол судебного заседания и разрешаются всем составом суда посредством вынесения определения. Если судья в ходе судебного заседания высказывает свое мнение по существу дела или исследуемых доказательств до решения дела в совещательной комнате, проявляет неравное отношение к участникам процесса и возбуждаемым ими ходатайствам, необоснованно снимает их вопросы, то такое поведение, несовместимое с требованиями закона и не способствующее установлению истины по делу, создает мнение о предвзятости и необъективности суда¹. Поэтому адвокат вправе ходатайствовать о занесении подобных обстоятельств в протокол судебного заседания (ч. 2 ст. 228 ГПК РСФСР), а также заявить судье отвод по мотивам сомнения в его беспристрастности (п. 3 ст. 18, ч. 2 ст. 22 ГПК РСФСР).

Решение вопроса, какие избрать средства и методы в целях нормализации процессуальной обстановки в судебном заседании, требует от адвоката большой вдумчивости, такта и неизменной корректности, чтобы его действия, определяемые возникшей ситуацией, ни в чем не умаляя достоинства суда, воспринимались участни-

¹ См.: Замиховский Б. Судья, прокурор, адвокат — этика взаимоотношений. — «Соц. законность», 1974, № 8, с. 54; Банников С. Воспитательная роль правосудия. — «Соц. законность», 1975, № 3, с. 5; Слитенко Л. В интересах повышения воспитательного значения судебного процесса. — «Сов. юстиция», 1975, № 5, с. 21.

ками процесса и аудиторией судебного зала как нравственно оправданные, продиктованные интересами дела и высоким представлением об общественном значении адвокатской деятельности. Спокойное достоинство, выдержка и самообладание, безусловное уважение к правосудию, использование лишь законных и нравственно безупречных процессуальных средств и методов — надежное оружие в руках адвоката для успешной защиты интересов клиента и ограждения своей личной чести и общественного престижа адвокатуры¹.

В своих взаимоотношениях с участниками процесса — прокурором, экспертами, свидетелями и др. — адвокат исходит из того, что участие этих лиц в разбирательстве дела является необходимым для отправления социалистического правосудия, что их права и обязанности, регламентированные процессуальным законом, должны использоваться в целях содействия суду в правильном и быстром рассмотрении и разрешении дела, что закон охраняет личную честь и достоинство всех этих лиц при выполнении ими своих профессиональных и общественных обязанностей. Поэтому неизменная корректность, такт и уважительность ко всем лицам, участвующим в гражданском судопроизводстве, является не только профессиональной обязанностью адвоката, но и его нравственным долгом как общественного деятеля. Спокойный деловой тон при обсуждении заявленных ходатайств и всех иных материалов дела, внимательное и уважительное отношение к высказываемым суждениям, корректность и вежливость в обращении, ведение полемики в пристойной и тактичной манере, без искажения фактов и личных нападок и т. п. — все это должно быть нормой поведения советского адвоката при разбирательстве дела.

¹ П. Сергенч приводит любопытный пример находчивости адвоката в острый момент судебного заседания. «Английский адвокат Вилькинс однажды упомянул в одной своей речи об излишней раздражительности своего противника. Председатель, лорд Крессвел, перебил его замечанием: «Вы не хотите допустить, чтобы адвокат мог несколько разгорячиться на суде?» Оратор медленно повернулся в сторону председателя и, бесстрастно отчеканивая каждый слог, произнес: «Милорд, я ничего не имею против того, чтобы горячился адвокат или даже судья; но мне кажется, что в таком случае на их слова не следует обращать особого внимания». Лорд Крессвел откинулся на спинку кресла и стал внимательно рассматривать потолок». — Сергенч П. Уголовная защита. Практические заметки. Спб., 1913, с. 214.

Отступление от этих правил рассматривается как поведение, недостойное советского адвоката, порочащее его профессиональную честь и достоинство носимого им звания, а потому влекущее за собой дисциплинарное взыскание. Такими нарушениями норм адвокатской этики могут быть признаны, например, недостаточно продуманные выражения в заявлениях и ходатайствах, которые могли бы создать представление о намерении адвоката кого-либо оскорбить или обидеть, нетактичные высказывания адвоката в адрес участников процесса, в частности прокурора, а также пререкания с ним; высказывания по адресу прокурора, если возражения адвоката касаются не выдвинутых аргументов, а затрагивают прокурора как личность; оскорбление прокурора, свидетеля, эксперта, бестактные выражения в отношении любых лиц, вызванных в судебное заседание¹, и т. п. Хотя эти нарушения были отмечены при выполнении адвокатом обязанностей защитника в уголовном процессе, они в равной мере недопустимы при осуществлении функции судебного представительства по гражданским делам.

Безусловную вежливость и корректность должен соблюдать адвокат также и во внесудебном общении с участниками процесса, в частности с лицами, интересы которых он в качестве представителя другой стороны оспаривает при рассмотрении дела². Так, нельзя признать допустимыми заявления адвоката в перерыве судебного заседания, носящие характер упреков в адрес противной стороны в представлении недостоверных доказательств, в аморальности ее интереса либо в иных пороках отстаиваемой ею позиции, так как подобные утверждения, несовместимые с достоинством адвокатской деятельности, неуместны до разрешения спора судом, в решении которого эти моменты могут получить подчас совершенно иную, а то и прямо противоположную оценку и интерпретацию. Адвокат не вправе также вступать в полемику с допрошенными по делу свидетелями, например, после удаления суда для вынесения решения по делу, оспаривать правильность заключения эксперта либо упрекать его в необъективности и т. п., ибо такая «внепроцессуальная» критика, не имеющая какого-либо

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 20 (п. 117), с. 21 (пп. 119, 120, 122, 123, 124), с. 22 (п. 126).

² См.: Дисциплинарная практика, с. 35 (п. 207).

значения для разрешения дела, может лишь втянуть адвоката в недостойный спор.

Особо важное значение для укрепления авторитета и достоинства адвокатуры имеет характер отношений между адвокатами, которые, представляя в гражданском судопроизводстве противоположные интересы спорящих сторон и защищая различные, а нередко и взаимоисключающие позиции своих клиентов, всегда остаются товарищами по профессии, членами одной общественной организации, а потому должны всемерно содействовать защите общественного престижа адвокатской деятельности. Уважение к своему товарищу по профессии, к его личности, деловой и общественной репутации должно быть руководящим правилом для каждого адвоката, нравственной обязанностью которого является забота о достоинстве носимого звания и престижа адвокатуры. Это — азбука адвокатской этики, так как не может ожидать к себе уважения та организация, члены которой не проявляют в своих отношениях взаимной вежливости, такта и неизменной корректности, забывая в пылу судебной борьбы о высоких началах товарищеской солидарности.

Особое значение эти руководящие правила адвокатской этики имеют для деятельности адвокатов-поверенных по гражданским делам. Если в уголовном процессе адвокаты почти всегда выступают с общей позиции защиты обвиняемых, противостоящей государственному обвинению, и лишь в отдельных случаях (при коллизии в позиции своих подзащитных и при представительстве интересов потерпевших) находятся в положении противоборствующих сторон, то в гражданском судопроизводстве противоположность интересов тяжущихся определяет неизбежность процессуальной борьбы их поверенных, лишь в редких случаях процессуального соучастия являющихся союзниками в судебном споре. Вот почему для адвокатов-поверенных, являющихся процессуальными противниками в силу самой природы гражданско-правового конфликта, в разбирательстве которого они принимают участие, чрезвычайно важно сохранять свою профессиональную солидарность и чувство уважения к своему товарищу, представляющему интересы противной стороны, чтобы спор и соперничество доверителей не отразились на их взаимоотношениях как членов общественной организации, престиж и достоинство ко-

торой им в равной степени дороги, чтобы их процессуальное состязание не вылилось в личное противоборство и конфликт.

При отправлении своих профессиональных обязанностей адвокат не должен допускать каких-либо резких выражений в отношении поверенного другой стороны даже в том случае, если поведение его профессионально-го противника объективно неправильно. Столкнувшись с подобной ситуацией, адвокат должен принять все возможные меры для нормализации отношений с поверенным другой стороны (например, выяснить возникшие недоразумения со своим коллегой в перерыве судебного заседания, доверительно и в корректной форме, не привлекая внимания клиентов и посторонних лиц; обратиться к суду с просьбой о занесении тех или иных обстоятельств в протокол судебного заседания; при отложении разбирательства дела — просить заведующего юридической консультацией или Президиум коллегии адвокатов о содействии в разрешении возникшего конфликта и т. п.). Адвокат не вправе отвечать на грубость и бестактность своего противника встречной резкостью, так как неизбежная в этом случае «словесная потасовка» приведет лишь к умалению престижа адвокатской профессии в глазах суда и всех лиц, присутствующих в судебном заседании.

Не только в ходе разбирательства дела, но и вне судебного заседания адвокат не должен допускать действий, порочащих репутацию другого адвоката: обсуждение в беседах с клиентом неправильности действий другого поверенного; бестактные высказывания по адресу адвоката, ведшего дело ранее; критические утверждения в жалобе в отношении своего коллеги, принимавшего участие в деле на ранних стадиях процесса; грубые и бестактные выражения в письмах доверителю либо иным лицам, порочащие достоинство другого адвоката¹, и т. п. Подобные действия следует рассматривать как нарушение основных этических начал адвокатской деятельности, обязывающих соблюдать общепринятые правила приличия и пристойного поведения и не допускать поступков, подрывающих престиж адвокатуры.

Особого обсуждения заслуживает вопрос об отношении к адвокатской смене — стажерам, а также молодым

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 31 (п. 184), 33 (п. 197), 34 (п. 198), 34 (п. 201).

адвокатам, начинающим свою профессиональную деятельность. Если принадлежность к одной профессии, членство в одной организации дает основание каждому адвокату обратиться к своему товарищу за советом по сложному делу (при определении правовой позиции и избрании наиболее целесообразных методов и средств защиты интересов клиента и т. п.) и рассчитывать при этом на неизменно товарищескую благожелательность, то в отношении своих молодых коллег искреннее желание помочь, поделиться своими знаниями и опытом и содействовать тем самым разрешению возникших затруднений и повышению уровня оказываемой юридической помощи должно быть незыблемым правилом поведения более квалифицированных адвокатов. Если опытный адвокат видит, что его молодой товарищ испытывает трудности в решении спорных вопросов, не находит правильного пути либо допускает ошибки, он должен прийти на помощь, даже если просьба о том и не последует ввиду понятной стеснительности либо переоценки своих сил и возможностей, нередко свойственных молодости. Но сделать это следует с предельной осторожностью и деликатностью, щадя самолюбие своего молодого коллеги, чтобы совет старшего не показался высокомерным поучением, злорадным порицанием или грубым непрошеным вмешательством, а воспринимался как искреннее желание способствовать общему делу. Оказание внимания и содействия товарищу, особенно молодому, — нравственная обязанность адвоката, проявление высоких начал профессиональной солидарности и взаимопомощи.

СПОСОБЫ ВЕДЕНИЯ ДЕЛ

Принципы адвокатской этики как руководящие начала профессиональной деятельности определяют безупречную честность адвоката при ведении дел, в использовании процессуальных методов и средств защиты интересов клиента. Адвокат может принять на себя защиту только правого дела и вести его законными и честными, нравственно допустимыми средствами. Действующий на основе полученных от клиента полномочий в целях обоснования его правоты адвокат-поверенный самостоятельно определяет наличие правовой позиции по делу и способы ее защиты и утверждения в суде, не будучи связанным волей своего доверителя в избрании процессуальных методов и средств, которые он может признать приемлемыми только при уверенности в их нравственной безупречности. Поскольку забота об авторитете и общественном престиже адвокатуры внутренне присуща всем действиям адвоката в ходе рассмотрения дела, он строго избирательно определяет дозволенные процессуальные способы и средства, отвергая те предложения клиента, которые он считает этически недопустимыми. Разрешая вопрос о возможных способах ведения дела своего клиента, о тех процессуальных методах, которые могут быть использованы на разных стадиях рассмотрения спора, адвокат должен определить, являются ли они законными, целесообразными и нравственно дозволенными. Если клиент обычно склонен к использованию любых средств, лишь бы они не были прямо запрещены законом, то его профессиональный представитель — адвокат — подходит к этой проблеме с иными критериями: не отождествляя себя со своим доверителем, он не может признать приемлемыми те процессуальные методы, которые формально не противоречат предписаниям закона, но представляются недопустимыми, исходя из нравственных основ адвокатской деятельности. Таким образом, для адвоката как общественного деятеля дозволительны только такие действия, средства и способы, которые основаны на законе, оправданы обстоятельствами конкретной правовой ситуа-

ции и соответствуют высоким представлениям о роли и значении адвокатской профессии в социалистическом правосудии.

Таковы те нравственные критерии, сообразуясь с которыми адвокат подходит к разрешению всех вопросов как при подготовке материалов к судебному разбирательству, так и при рассмотрении дела по существу в суде первой инстанции, а равно при обжаловании судебных постановлений на последующих стадиях процесса.

ПОДГОТОВКА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ

Установив наличие правовой позиции по делу, возможность ее обоснования и защиты в суде, адвокат принимает на себя обязанности судебного представителя клиента. Работа адвоката по отбору, исследованию и предварительной оценке фактов и доказательств находит свое выражение в составлении процессуальных документов — искового заявления и объяснений по делу, в которых формулируется существо требований и возражений клиента, указываются фактические обстоятельства, лежащие в их основании, и приводятся доказательства в их подтверждение.

При составлении этих процессуальных документов адвокат должен располагать всей полнотой информации о фактах и доказательствах, которые будут выдвинуты перед судом от имени его клиента. Если доверитель не имеет в своем распоряжении всех необходимых доказательств, адвокат должен оказать ему помощь в их собирании, для чего от имени юридической консультации запрашивает из государственных и общественных организаций справки, характеристики и иные документы (ст. 26 Положения об адвокатуре РСФСР). Содействие клиенту в получении документов, необходимых для защиты его прав и охраняемых законом интересов, является не только правом, но и обязанностью адвоката, принявшего поручение на ведение гражданского дела в суде, а потому его уклонение от оказания такой помощи должно рассматриваться как нарушение профес-

сионального долга¹. Закон не содержит каких-либо предписаний или ограничений в отношении характера запрашиваемых адвокатом материалов, необходимых для оказания юридической помощи клиенту. Поэтому особое значение приобретают нравственные критерии, определяющие пределы дозволенного в этих действиях адвоката.

Для запроса материалов в отношении своего доверителя каких-либо нравственных препятствий не имеется, за исключением случаев истребования данных интимного порядка, каковые адвокат вправе получить лишь при неременном согласии клиента. Однако направление запросов в отношении других лиц следует производить с большой осторожностью, учитывая характер запрашиваемых сведений, их значение для дела, а также возможность получения необходимых данных через суд. Если процессуальный противник доверителя адвоката стремится исказить факты, например утверждая, что оставил жилую площадь временно, получение по запросу юридической консультации данных о постоянной прописке в другом городе и устройстве там на работу представляется правомерным. Но делать запросы в целях получения материалов о противной стороне, если они по своему содержанию являются порочащими (например, сведения о противоправных действиях) либо содержат данные о перенесенных заболеваниях или фактах интимной жизни, которые процессуальный противник доверителя по определенным соображениям стремится скрыть от посторонних лиц, адвокат не вправе. Установив, что подобные материалы могут иметь значение для дела, адвокат, не запрашивая их непосредственно, должен обратиться за помощью к суду, заявив соответствующее ходатайство при подаче искового заявления или представлении объяснений по делу. Такой подход к запросу материалов, касающихся другой стороны, определяется не только тем, что указанные сведения необходимы, по мнению адвоката, суду для правильного разрешения дела, но и соображениями нравственного порядка, запрещающими выяснение сведений, не подлежащих оглашению без крайней на то необходимости. Только суду как органу социалистического право-

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 27 (п. 159).

Судия законом предоставлено право приподнять завесу над фактами интимной жизни человека, имеющими значение для разрешения спора, и сделать их предметом судебного исследования. Поэтому следует признать этически недопустимым использование права запроса в целях разглашения сведений, по своему содержанию относящихся к личной жизни другой стороны, третьих лиц и свидетелей, даже если, по мнению адвоката, эти данные необходимы для защиты интересов его доверителя.

При истребовании материалов подлежит обязательному обсуждению вопрос об их доказательственном значении по делу. Запрос аналогичных по своему содержанию документов может оказаться недопустимым при судебном представительстве в гражданском процессе и вполне правомерным методом при осуществлении уголовной защиты. Например, получение адвокатом характеристики противной стороны, не имеющей значения для разрешения спора о праве на наследство, следует признать нравственно недозволенным действием, в то время как истребование отрицательной характеристики потерпевшего по уголовному делу оказывается в ряде случаев полезным для целей защиты¹, а потому этически оправданным. С другой стороны, запрос в медицинское учреждение о болезни свидетеля, лишаящей его возможности правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить факты, являющиеся предметом судебного исследования, представляется допустимым средством, так как способствует правильной оценке судом доказательственной значимости его показаний. Учитывая, однако, сравнительную ценность спорного интереса, с одной стороны, и моральную травму, причиняемую свидетелю оглашением данных о состоянии его здоровья — с другой, адвокат-поверенный воздержится от истребования соответствующих материалов из психоневрологического диспансера, тогда как получение таких данных для целей уголовной защиты может оказаться необходимым. Следовательно, различное разрешение вопроса о возможности запроса материалов в гражданском и уголовном процессе определяется нравственным чувством адвоката, осознанием им меры дозволенного в судебном состязании

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., «Юридическая литература», 1973, с. 555.

и сравнительной ценностью правовых интересов, затронутых этими действиями.

Собрав все доказательства, необходимые для обоснования разработанной по делу правовой позиции, адвокат излагает притязания либо возражения в исковом заявлении, если он представляет интересы истца, или в объяснениях по делу, а в необходимых случаях — во встречном исковом заявлении, когда он выступает от имени ответчика. Являясь итогом и резюме всей подготовительной работы, проделанной адвокатом, исковые заявления и объяснения по делу должны являться кратким и точным изложением правовой позиции сторон, чтобы из их содержания суд мог составить надлежащее представление о существе нарушенного либо оспариваемого права и охраняемого законом интереса, о фактическом составе и доказательственном аспекте дела, а также о правовой квалификации спорного отношения, предлагаемой его участниками. Указание в этих основных процессуальных документах всего фактического и доказательственного материала, выдвигаемого перед судом, способствует также уяснению каждой из спорящих сторон позиции своего противника, оценке ее обоснованности и доказанности и возможной перспективы процесса. Обсуждение всех этих обстоятельств, проводимое сторонами по делу совместно со своими поверенными, может открыть путь к переговорам о мирном разрешении спора. Возможность такого окончания дела должна учитываться адвокатом при подготовке материалов для рассмотрения спора в судебном заседании. Обсуждая со своим клиентом правовую позицию по делу, достаточность и убедительность доказательств, возможный ход разбирательства дела и его результат, а также реальность исполнения решения с учетом наличия у другой стороны имущества, на которое может быть обращено взыскание, адвокат должен выяснить у клиента его отношение к возможному мировому соглашению со своим противником, пределы уступок, на которые он склонен пойти, условия такой сделки и т. п. Следует учитывать, что реальное получение определенного имущества по соглашению с другой стороной для клиента может оказаться значительно более выгодным, чем удовлетворение его требований в полном объеме, если исполнение решения будет связано с немалыми трудностями. Разъяснив это своему клиенту и получив от

него полномочия на переговоры с его процессуальным противником, адвокат вправе вступить в контакты как с представителем другой стороны, так и непосредственно с самим заинтересованным участником дела¹.

Ведение переговоров о мировом соглашении требует от адвоката большого такта, сдержанности и безусловной корректности, чтобы, с одной стороны, не создать представления у своего противника о слабости и недостаточной надежности собственной позиции, а с другой — не породить сомнений в своей искренности, в стремлении добиться действительного соглашения, а не использовать контакты для выявления намерений другой стороны и уязвимости ее позиции по делу. Поскольку переговоры являются доверительными, адвокаты, представляющие тяжущихся, должны проявлять максимальную осторожность и сдержанность, чтобы выполнение этого деликатного поручения своих клиентов не нанесло какого-либо ущерба их интересам и не повлекло разглашения сведений, составляющих тайну их доверителей. Не следует забывать, что в том случае, если переговоры окажутся безрезультатными и дело будет рассматриваться судом по существу, неосторожно раскрытые обстоятельства, неблагоприятные для клиента, могут быть использованы ему во вред, что отрицательно скажется на профессиональном престиже адвоката. Искреннее и настойчивое стремление к окончанию дела миром не должно ослаблять внимания и осторожности адвоката, являющегося поверенным лишь одной из сторон в гражданско-правовом конфликте и призванного к защите интересов только своего доверителя.

Если переговоры не приведут к соглашению, адвокат не вправе сообщать об их содержании как судье при подготовке материалов к судебному разбирательству, так и суду при рассмотрении дела по существу. Объясняется это прежде всего тем обстоятельством, что разглашение существа доверительных контактов, не принесших успеха, само по себе является непозволительным приемом, отнюдь не свидетельствующим о нравственной опрятности, а потому абсолютно недопустимо. Нельзя не учитывать также, что подобное заявление лишено какого-либо доказательственного значения, поскольку свидетельство адвоката не может рассматри-

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 27 (п. 156).

ваться как источник сведений об обстоятельствах, составляющих предмет исследования по делу. Нравственная непозволительность таких действий определяется и тем соображением, что в случае, если контрагент по переговорам откажется подтвердить правдивость сделанного заявления либо опровергнет его, сложится крайне тягостная процессуальная ситуация, и нескромность адвоката нанесет немалый урон его личному престижу и достоинству адвокатской деятельности в целом. Поэтому следует признать абсолютно недопустимым разглашение в какой-либо форме (путем заявлений, при допросе, в судебных прениях и т. п.) существа доверительных переговоров о заключении мирового соглашения и даже само упоминание о таких попытках, не приведших к достижению соглашения¹.

УЧАСТИЕ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Значение нравственных начал адвокатской деятельности обнаруживается особенно ясно в условиях гласного судебного разбирательства в суде первой инстанции, где все процессуальные действия совершаются публично под контролем суда, в присутствии непрофессиональных участников процесса: сторон, третьих лиц, свидетелей, представителей общественности и т. д., а также публики, находящейся в зале судебного заседания. Малейшее отступление от требований нравственной самодисциплины, нарушение правил профессионального поведения, проявление высокомерия, бестактности и недостаточной корректности — все подобные отклонения от норм адвокатской этики сразу же получают огласку, становятся известными широкому кругу лиц, что наносит значительный ущерб общественному престижу адвокатуры и достоинству профессии. Вот почему при публичном рассмотрении дела от адвоката требуется предельная собранность и внимание, внутренний контроль и

¹ «Раз, однако, миролюбивые попытки остались безуспешны, — говорил знаменитый французский адвокат Шэ д'Эстанж, — память о них должна быть совершенно уничтожена, и пред судьей, в заседании ли суда или вне его ни одно слово, ни один намек не должны выдать ненарушимого секрета» (см.: Правила адвокатской профессии в России, с. 296).

самодисциплина, чтобы ничем — ни словом, ни действием — не дать оснований для упреков в ненадлежащем поведении, в избрании непозволительных процессуальных средств и методов, в недостаточной вежливости и корректности. Особое значение нравственных акцентов в процессуальной деятельности адвоката на всех этапах разбирательства дела в суде первой инстанции выявляется в его отношении к фактическому и доказательственному материалу, в частности, в разрешении вопросов о времени и порядке представления доказательств, в методах их исследования в ходе рассмотрения дела по существу, а также в оценке доказательств в речи во время судебных прений.

Представление доказательств — это процессуальный институт, значение которого определяется, с одной стороны, материально-правовым интересом сторон и третьих лиц, обязанных по закону подтвердить те обстоятельства, на которых основываются их требования и возражения, и задачами гражданского судопроизводства по правильному и быстрому рассмотрению и разрешению гражданских дел — с другой. Как профессиональные участники процесса отправления правосудия адвокаты-поверенные должны способствовать созданию оптимальных условий для исследования и проверки всех доказательств в ходе рассмотрения дела по существу. Выполнению этой задачи должны быть подчинены все их процессуальные действия, и в частности по своевременному обеспечению надлежащей полноты доказательственного материала как необходимого условия для быстрого и правильного рассмотрения и разрешения возникшего правового конфликта. Разрешая вопрос о времени и порядке представления доказательств, адвокаты обращаются прежде всего к постановлениям позитивного права, регулирующим этот институт. Вместе с тем они должны учитывать и нравственный аспект этой проблемы, характер взаимоотношений между адвокатами, представляющими противоположные интересы сторон в гражданско-правовом споре, но всегда являющимися товарищами по профессии и потому в равной мере заинтересованными в упрочении общественного престижа адвокатской деятельности.

При составлении искового заявления адвокат должен указать, в частности, доказательства, подтверждающие изложенные в нем обстоятельства (п. 4 ст. 126

ГПК РСФСР). Если адвокат представляет интересы ответчика, он по предложению судьи либо по собственной инициативе формулирует возражения своего доверителя против иска и указывает доказательства, которыми эти возражения могут быть подтверждены (п. 2 ст. 141 ГПК РСФСР). Судья, осуществляющий все действия по подготовке дела к судебному разбирательству, ознакомившись с подготовленными адвокатами процессуальными документами, должен определить круг доказательств, необходимых для разрешения дела, и обеспечить их своевременное представление (подп. «г» п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1969 г. «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»)¹. В судебных повестках, которыми лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания, содержится предложение суда о представлении всех имеющихся по делу доказательств (п. 5 ст. 107 ГПК РСФСР).

Из содержания указанных норм следует, что все имеющиеся у сторон и других лиц, участвующих в деле, доказательства должны быть представлены в суд своевременно, до начала судебного заседания по делу². Если по каким-либо причинам доказательства не были приложены к исковому заявлению и объяснениям по делу, в подготовительной части судебного заседания адвокаты заявляют ходатайство о приобщении доказательств и представляют их суду. На практике, однако, встречаются попытки «придержать» доказательства, с тем чтобы представить их позднее, в более удобный, по мнению адвоката, момент судебного разбирательства. Такие действия иногда пытаются оправдать ссылкой на то обстоятельство, что в ГПК РСФСР 1964 года не содержится нормы, аналогичной правилу ст. 106 ГПК РСФСР 1923 года, предписывавшей сторонам представлять доказательства своевременно, до начала рассмотрения дела по существу. Подобная аргументация основана на неверном понимании норм процессуального права и имеет своей целью оправдать явно негодные, противоречащие закону и вместе с тем нравственно недопусти-

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР, 1961—1971, с. 121.

² Это прямо указано в ст. 34 ГПК УССР.

мые методы и средства, принципиально неприемлемые для советских адвокатов.

Призванные законом содействовать правосудию в правильном и быстром рассмотрении и разрешении гражданских дел, адвокаты не вправе прибегать к недостойным уловкам, препятствующим нормальному ходу судопроизводства. Если на доказательства имеется ссылка в поданных процессуальных документах, но сами доказательства суду неизвестны, по предложению председательствующего в судебном заседании либо по ходатайству другой стороны или ее представителя эти скрытые от суда материалы все равно придется представить. В таких случаях нередко возникает необходимость в перерыве судебного заседания для ознакомления с ними других участников процесса. Адвокат, пытавшийся «придержать» доказательства, по собственной вине окажется в ситуации, когда нормальный ход процесса будет нарушен, а его неблагоприятные методы вызовут справедливый упрек со стороны председательствующего. Если адвокат позволил себе, вопреки прямому указанию закона, умолчать в процессуальных документах о всех доказательствах, которые будут выдвинуты перед судом от имени клиента, его действия нельзя расценить иначе как помеху правосудию, ибо суд, не располагая в должной мере информацией о фактическом и доказательственном материале дела, не сможет определить надлежащий порядок исследования доказательств, как того требует ст. 167 ГПК РСФСР. Иногда доказательства представляются не только в ходе рассмотрения дела по существу, но и в порядке дополнения материалов дела, что может привести к срыву процесса в связи с необходимостью истребования новых материалов, вызова дополнительных свидетелей и т. д. Такая недостойная «игра» с правосудием, роняющая личную честь адвоката и общественный престиж профессии, должна быть полностью устранена из адвокатской практики.

Следует отметить, что уже в первые годы после введения в действие ГПК РСФСР 1964 года московские адвокаты, стремясь предупредить неправильное истолкование норм процессуального законодательства о времени и порядке представления доказательств по гражданским делам, неоднократно выступали на страницах юридической печати, разъясняя закон и подчеркивая нравственную недопустимость каких-либо отступлений от его

духа и буквы¹. В целях закрепления такого толкования закона и обеспечения своевременного представления всеми адвокатами доказательств до начала рассмотрения дела по существу по решению Бюро Цивилистической секции при Президиуме МГКА была подготовлена консультация, опубликованная в разделе «Отвечаем на вопросы» журнала «Советская юстиция», причем имелось в виду, что это разъяснение от имени редакции — органа Министерства юстиции РСФСР и Верховного Суда РСФСР — будет способствовать нормализации процесса и исключению случаев утаивания доказательств от суда и противной стороны².

В подготовительной части судебного заседания до представления доказательств суду адвокат должен ознакомить с ними своего процессуального противника. Хотя закон не содержит никаких предписаний по этому вопросу, адвокаты должны рассматривать такие действия по отношению друг к другу как веление нравственного долга³. Уклонение от его выполнения должно быть признано абсолютно недопустимым, оно явилось бы свидетельством забвения адвокатом своего профессионального долга, одиозным примером неуважения к своему товарищу по профессии. Весьма неприглядно выглядел бы отказ адвоката представить для взаимного ознакомления до начала судебного заседания собранные доказательства в ответ на доброжелательное предложение об этом поверенного другой стороны. Подобная неучтивость, несовместимая с достоинством носимого звания, была бы воспринята участниками процесса, а также публикой, находящейся в суде, как проявление отсутствия доверия между адвокатами, свидетельство их неуважительного отношения друг к другу, что не может не сказаться самым отрицательным образом на общественном престиже адвокатской деятельности. Если при этом принять во внимание и практическую несостоятельность такого поведения, ибо подготовленные доказательства будут выдвинуты перед судом и, следовательно, станут известными противной стороне и ее

¹ См.: Любарская Г. Деятельность адвокатов при рассмотрении гражданских дел. — «Сов. юстиция», 1968, № 17, с. 8; Адвокатура в СССР, с. 169.

² См.: «Сов. юстиция», 1972, № 9, с. 32.

³ См.: Ватман Д. П. Адвокатская этика. — «Сов. государство и право», 1972, № 9, с. 114.

представителю, то станет очевидной непозволительность подобных методов. Взаимное ознакомление с имеющимися доказательствами должно стать нормой поведения адвокатов-поверенных.

Исследование доказательств. В ГПК союзных республик порядок исследования доказательств регламентирован достаточно полно: определена последовательность объяснений сторон и третьих лиц, очередность и порядок допроса свидетеля, исследования письменных, вещественных доказательств и заключения экспертов (ст.ст. 166—181 ГПК РСФСР). Что же касается внутренней стороны процесса исследования доказательств, т. е. содержания этой важнейшей части судебного разбирательства, то предписания закона непосредственно адресованы только судьям (ст.ст. 14, 50, 143 ГПК РСФСР), в отношении других участников процесса установлена лишь общая обязанность добросовестного пользования своими процессуальными правами (ст.ст. 98—99 ГПК УССР). Поэтому анализ этического подтекста деятельности адвокатов-поверенных в процессе исследования доказательств приобретает особое значение.

Поскольку функция судебного представительства по существу своему носит односторонний характер, адвокат не может быть обязан к всестороннему и полному выяснению всех обстоятельств дела, в том числе и неблагоприятных для его клиента, так как подобная «объективность» в исследовании фактического и доказательственного материала неизбежно подрывает доверие клиента к своему поверенному и создает серьезную угрозу нравственным основам судебного представительства, осуществляемого советской адвокатурой. С другой стороны, будучи общественным деятелем, призванным содействовать достижению цели социалистического правосудия, адвокат-поверенный оценивает требования и намерения своего клиента с позиций их законности и нравственной дозволенности, а потому в этой важнейшей части судебного разбирательства направляет свои усилия на ограждение только законных его интересов, защищая и утверждая избранную по делу правовую позицию, устанавливая фактические обстоятельства, обосновывающие правоту клиента, и критически исследуя фактический и доказательственный материал, выдвинутый его процессуальным противником. Неуклонно руководствуясь принципом правдивости, адвокат должен

объективно способствовать выяснению действительных обстоятельств дела, установление которых, по его убеждению, должно привести к вынесению решения в пользу его клиента. Таким образом, субъективная уверенность адвоката в законности и нравственной безупречности вверенных его защите интересов определяет содержание процессуальной деятельности поверенного в ходе исследования доказательств, ближайшая задача которой состоит в утверждении перед судом силы и достоверности доказательственных фактов и обусловленных ими обстоятельств, лежащих в основании избранной правовой позиции по делу, в содействии формированию судейского убеждения, являющегося основой правильной оценки доказательств и разрешения спора в соответствии с требованиями закона.

Участвуя в допросе сторон, третьих лиц и свидетелей, адвокат должен проявить необходимую выдержку, такт и безусловное уважение к личности допрашиваемого, к его чести и достоинству. Абсолютно недопустимым и недостойным должно быть признано оскорбление адвокатом свидетеля¹, непозволительной является также недостаточная тактичность, которая может вызвать обиду и раздражение свидетеля, ведение допроса в повышенном тоне с излишней темпераментностью². Корректные, вежливые вопросы, задаваемые в спокойной деловой манере, способствуют созданию необходимого контакта с допрашиваемым лицом, получению от него ответов в подтверждение обстоятельств, которые должны быть установлены судом. Столкнувшись с пристрастностью либо желанием скрыть или исказить факты в угоду одной из сторон, адвокат не должен пререкаться со свидетелем, вступать с ним в спор в попытке уличить его в недобросовестности и тем более напоминать об ответственности за ложь перед судом. Подобное поведение адвоката, не содействуя суду в проверке правдивости свидетеля и достоверности сообщаемых им сведений, свидетельствует о неспособности поверенного справиться с намеренной неправдой в показаниях свидетеля, причем эта неловкая попытка замаскировать свою профессиональную неумелость грубым нажимом и угрозами по отношению к свидетелю неминуемо подорвет личный ав-

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 21 (п. 120),

² См. там же, с. 22 (п. 130), с. 21 (п. 131).

торитет адвоката и достоинство представляемой им профессии.

Пределной осмотрительности требует допрос в случаях, когда выясняются сведения, относящиеся к интимным сторонам жизни. Адвокат должен помнить о нравственной обязанности советского судебного деятеля избегать вторжения в личную жизнь человека без крайней на то необходимости и не допускать оглашения данных, ранищих самолюбие допрашиваемого или близких ему лиц. Уважение к людям, такт и нравственное чувство должны являться опорой и надежным помощником адвоката в этот ответственный момент судебного разбирательства, когда он пользуется предоставленным ему законом правом вести допрос, выясняя факты, необходимые суду для разрешения дела.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности получения от допрашиваемого лица сведений, уличающих сторону, свидетеля или их близких в совершении противоправных, а то и преступных действий. Хотя закон не содержит прямого запрета задавать подобные вопросы, адвокат должен подходить к решению этой проблемы с большой ответственностью, учитывая направленность своей профессиональной деятельности и ее общественный авторитет. Движимый чувством неприязни к другой стороне и ее свидетелям, клиент иногда добивается от адвоката, чтобы в ходе допроса процессуальный противник был «изобличен». Однако адвоката нельзя обязать выполнять это требование, его такт и нравственное чувство должны определять необходимые границы допроса, чтобы выполнение гражданского долга давать показания суду не привело к вынужденному самообвинению свидетеля либо к изобличению им своих родственников и близких¹. Особую значимость эти требования нравственной самодисциплины имеют в деятельности адвоката потому, что он всегда и при всяких условиях остается защитником, независимо от выполняемой функции в процессе. Он призван только защищать и ограждать права и охраняемые законом интересы своего клиента. Обвинительные тенденции в его профессиональной деятельности, вызванные иногда процессуальной ситуацией в уголовном деле (например, за-

¹ См.: Бойков А. Что такое судебная этика? (Размышления о моральных нормах судебного процесса). — «Сов. юстиция», 1971, № 1, с. 9.

щита при противоречивых интересах подсудимых либо при защите интересов потерпевшего), не могут быть признаны допустимыми при осуществлении функции судебного представительства по гражданским делам. Поэтому адвокат-поверенный, ведущий допрос в гражданском процессе, не вправе добиваться показаний, влекущих самообвинение допрашиваемого лица либо изобличение им своих родственников и близких, так как подобная линия поведения, не вызываемая к тому же необходимостью обоснования и защиты правовой позиции своего доверителя, вообще не соответствует нравственному престижу адвокатской профессии и ее защитительной направленности.

Для советского адвоката непозволительны любые действия, которые могли бы сказаться на объективности получаемой судом информации, в частности, при допросе свидетелей в судебном заседании. Поэтому как до начала процесса, так и при рассмотрении дела необходимы предельная осмотрительность, собранность и внимание, чтобы не допустить создания ситуации, в которой стало бы возможным воздействие на свидетелей в направлении, не соответствующем интересам правосудия. Недопустимы какие-либо переговоры адвоката, участвующего в рассмотрении как уголовного, так и гражданского дела, со свидетелями, еще не допрошенными судом, по вопросам, связанным с материалами дела¹. Нельзя признать также дозволенным воздействие на свидетеля во время его допроса, чтобы понудить его дать неправильные показания, запутать его либо создать искаженное представление о характере сообщенных им сведений. Таких неправомερных целей иногда стремятся достичь постановкой свидетелю вопросов в форме, которая прямо не запрещена законом, но непозволительна по этическим соображениям.

Например, в отличие от уголовно-процессуального законодательства (ст. 158 УПК РСФСР) ГПК союзных республик не содержат правила, запрещающего постановку в ходе допроса наводящих вопросов, полагаясь на судебную культуру и нравственную самодисциплину профессиональных участников гражданского судопроизводства. Поскольку ответ на наводящий вопрос подсказан самой формой, в которой он поставлен, его доказа-

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 34 (п. 200).

тельственное значение ничтожно. Предложение такого вопроса, не способствуя защите интересов доверителя, свидетельствует вместе с тем о забвении адвокатом своей обязанности использовать лишь нравственно безупречные процессуальные средства, содействуя суду в установлении действительных обстоятельств дела. Всякое давление на свидетеля, в том числе и путем внушения ему желательного для допрашивающего ответа, должно быть признано абсолютно непозволительным и порочным приемом.

Как бы ни вел себя свидетель во время допроса, сколь бы велико ни было возмущение его развязным поведением или нескрываемой пристрастностью, адвокат должен быть с ним неизменно вежлив и тактичен. Корректность и такт — не только надежное средство защиты собственного авторитета допрашивающего. Они могут обезоружить любого свидетеля-грубияна. Если же окажется, что этих средств недостаточно, адвокату следует просить председательствующего призвать свидетеля к порядку, но ни в коем случае не делать таких замечаний самому, а тем более не позволить себе унижаться до грубости или резких выпадов в отношении допрашиваемого лица.

Глубокий этический подтекст имеет требование закона об оглашении личной переписки граждан в открытом судебном заседании только с согласия лиц, между которыми эта переписка происходила (ст. 176 ГПК РСФСР)¹. Охраняя тайну переписки, закон ограждает личную жизнь человека от постороннего вмешательства. Использование такого источника доказательств требует от адвоката предельной осторожности и тактичности, чтобы не ввести в процесс личные письма, пути получения которых доверителем нравственно безупречны или сомнительны. Поэтому адвокат не вправе рассматривать личную переписку и записи в качестве допустимого средства доказывания, если клиент не сможет указать легальных путей овладения ими. Этот критерий должен учитываться адвокатом при решении вопроса о возможности представления суду любого письменного либо вещественного доказательства, но особо важное значение он имеет для личной переписки. Уже введенные

¹ Согласно ст. 167 ГПК БССР правила, регулирующие порядок оглашения и исследования личной переписки, распространяются также на личные записи граждан (дневники, заметки и т. п.).

в процесс и принятые судом в качестве доказательства письма и записи личного характера требуют от адвоката уважения к людям и нравственной дисциплины при их исследовании и оценке. Учитывая специфическую природу такого средства доказывания и в целях защиты интимных интересов человека от постороннего вмешательства, адвокат не должен допускать обсуждения тех частей личных писем или записей, которые не имеют отношения к рассматриваемому судом спору, а также избегать по возможности прямых ссылок на исследованный текст, особенно в тех случаях, когда речь идет об интимных вопросах, чтобы не причинить душевной травмы лицам, между которыми эта переписка происходила, а также своему доверителю и противной стороне.

С большой осторожностью может прибегнуть адвокат к такому процессуальному средству оспаривания подлинности письменных доказательств, как заявление спора о подлоге (ст. 177 ГПК РСФСР). Дело не только в том, что для заявления о подлоге в большинстве случаев недостаточно сомнений в соответствии сведений, содержащихся в заподозренном документе, действительности, но и в том, что адвокат должен быть готов подтвердить свои критические соображения¹, рискуя в противном случае вызвать у суда недоверие к защищаемой им позиции клиента и применяемым процессуальным средствам и методам. Следует также учитывать, что вывод суда о подложности документа может повлечь возбуждение уголовного дела в отношении лица, допустившего такое правонарушение. Исходя из сравнительной ценности спорного интереса и перспективы уголовного преследования противной стороны, а также учитывая возможность оспаривания сомнительного документа другими процессуальными способами, адвокат должен разрешить вопрос, допустимо ли возбуждение спора о подлоге в данном конкретном случае. Если защита интересов доверителя может быть обеспечена иными средствами, адвокат, не заявляя о подложности документа, опровергает его содержание другими способами (например, путем сопоставления с фактами, надежно подтвержденными в ходе судебного разбирательства, и т. п.). Памятуя о защитительной направленности своей

¹ Бремя доказывания подложности письменного доказательства лежит на лице, выдвинувшем такое обвинение (ст. 194 ГПК Узбекской ССР, ст. 199 ГПК Литовской ССР).

профессиональной деятельности, адвокат использует такое процессуальное средство, как заявление спора о подлоге, только в случаях, когда иными методами невозможно обосновать и защитить правовую позицию своего доверителя и оградить его права и охраняемые законом интересы.

Судебные прения — заключительная часть судебного разбирательства. Подводя в своей речи итоги рассмотрения дела по существу, адвокат обосновывает и защищает позицию по делу, разработанную при подготовке материалов к судебному разбирательству и нашедшую свое подтверждение в ходе исследования и проверки всего фактического и доказательственного материала; содействует формированию судьейского убеждения в целях признания судом наличия фактических обстоятельств и их надлежащей правовой интерпретации; стремится убедить суд в правоте доверителя и необходимости вынесения решения, ограждающего его права и охраняемые законом интересы.

Однако выступление адвоката в суде не может замыкаться в границах логического анализа фактических и правовых аспектов дела безотносительно к социально-политическим особенностям спорного правоотношения и общественному резонансу, вызванному конкретным правонарушением. Являясь общественным деятелем, адвокат должен помнить об обязанности советского судебного оратора оценивать материалы каждого дела с принципиально правильных, идеологически выдержанных позиций. Уважение к закону, к его предписаниям и запретам — вот что в первую очередь должно отличать речь адвоката. Исследуя особенности спорной правовой ситуации, адвокаты стремятся показать, что правильное разрешение дела возможно лишь путем выявления законности притязаний и возражений своих клиентов и их процессуальных противников. Благодаря этому судебная речь становится важным орудием правовой пропаганды, эффективным средством идеологического воздействия на лиц, участвующих в деле, на других участников процесса, а также на граждан, присутствующих в зале судебного заседания. В сознании слушателей должно укрепляться представление о последовательно демократическом, подлинно народном содержании норм советского права, направленного на защиту прав и ох-

раняемых законом интересов граждан и социалистических организаций.

Другой важной особенностью судебной речи адвоката является ее этический подтекст, стремление показать нравственно справедливый характер защищаемой позиции по делу, не только формально основанной на законе, но и соответствующей назначению отстаиваемых прав моральным принципам общества, строящего коммунизм (ст. 5 ГК РСФСР). В результате этого судебная речь должна выявлять глубоко нравственные основания взаимоотношений советских людей в сфере гражданского оборота и этическую недопустимость каких-либо отклонений от требований социалистической законности.

Безусловное уважение к суду внутренне присуще речи советского судебного оратора. Это находит свое выражение во внешних атрибутах поведения на судебной трибуне: в почтительном тоне, в котором оратор обращается к суду, в сдержанной и строгой манере аргументации, в стремлении убедить суд логикой фактов и их юридической интерпретацией, а не искусственной аффектацией и ложным пафосом, органически противными природе советского судебного красноречия. Свидетельством уважения к суду является, далее, отношение адвоката к закону и другим нормативным актам, на которые содержатся ссылки в речи. Прелельная точность цитирования норм права, причем не на память, а по официальному тексту; толкование закона в строгом соответствии с его смыслом и содержанием, с использованием руководящих разъяснений Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда союзной республики, а также публикаций в юридической литературе; представление суду доводов о юридической квалификации спорного отношения сообразно с фактическими обстоятельствами дела, нашедшими свое подтверждение в ходе судебного разбирательства, и диспозицией нормы материального права, подлежащей применению в данном случае, — все это не только повышает убедительность аргументации адвоката и придает ей весомость и значимость, но и воспринимается аудиторией судебного зала как свидетельство глубокого уважения к суду, призванному разрешить спор и вынести законное и обоснованное решение, как искреннее стремление оратора оказать посильную помощь суду в этом ответственном и сложном деле.

Уважительное отношение к правосудию выражается и при анализе адвокатом суждений вышестоящих судебных органов, высказанных при разбирательстве дела. Должное внимание к этим суждениям, однако, не лишает адвоката права и возможности их критически анализировать, особенно в случаях, когда содержащееся в них толкование юридической природы спорного отношения не подтверждается данными нового судебного разбирательства после отмены ранее вынесенных судебных решений. Подобные критические высказывания в речи адвоката, опирающиеся на закон и на фактические обстоятельства, установленные в ходе судебного исследования, правомерны и не могут рассматриваться как проявление неуважения к суду. Однако в подобной ситуации от судебного оратора требуется особая сдержанность и такт, чтобы не перейти границы дозволенного в своей критической аргументации. Следует помнить, что постановления судов кассационной и надзорной инстанций вступили в законную силу, а указания, в них изложенные, обязательны для суда, вновь рассматривающего данное дело.

Высокие нравственные критерии лежат в основе анализа в речи адвоката всего доказательственного материала дела, и в первую очередь свидетельских показаний как наиболее распространенного средства доказывания в гражданском процессе. Учитывая начало допустимости, ограничивающее использование свидетельских показаний для подтверждения определенных фактов и правоотношений (ст. 54 ГПК РСФСР), адвокат подходит к их исследованию и оценке с особым вниманием, в частности в случаях, когда вопреки его возражениям суд счел возможным использовать эти доказательства. В подобной ситуации уклонение оратора от анализа показаний свидетелей под предлогом недопустимости таких доказательств нельзя признать этически дозволенным, поскольку этим будет выражено неуважение к суду, который счел необходимым допросить свидетелей. С другой стороны, умолчание в речи об этих доказательствах, исследованных в ходе судебного разбирательства и подлежащих оценке в решении по делу, может быть воспринято как неспособность адвоката справиться с неблагоприятными для клиента показаниями свидетелей и повредить тем самым авторитету адвоката в глазах суда.

Большой такт и осмотрительность требуются от адвоката при анализе и оценке свидетельских показаний с точки зрения доброкачественности этих доказательств и достоверности фактов, ими установленных. Следует учитывать, что этот анализ производится в речи в присутствии самих свидетелей, допрошенных судом, поэтому неосторожность в выражениях, неудачно выбранное слово могут болезненно ранить их самолюбие и нанести им нравственный урон. Задача адвоката заключается не в том, чтобы страстно уверять суд в своем доверии к правдивости, искренности и добросовестности «своих» свидетелей и в сомнительности показаний свидетелей противной стороны, а совсем в ином: рассмотреть внутреннее содержание их показаний в соответствии с условиями, в которых находился свидетель, с его способностью воспринимать, запоминать и воспроизводить факты, с его личной заинтересованностью по делу и т. п., а также в сопоставлении сообщенных свидетелями сведений с надежно установленными обстоятельствами и жизненной правдой, чтобы убедить суд в правильности отстаиваемой в речи оценки свидетельских показаний. Дело, следовательно, не в том, верит или не верит оратор свидетелям, а в том, поверит ли им суд.

Если адвокат не в состоянии извлечь из свидетельских показаний те достоверные факты, которые составляют предмет доказывания по делу, либо выявить внутреннюю несостоятельность или противоречивость этих показаний, он не вправе подменять их объективный анализ всякого рода инсинуациями в адрес свидетелей либо уменьшать их достоинство, охраняемое законом. Несправедливые нападки на свидетелей только вредят делу, так как укрепляют в глазах судей значение тех показаний, которые оратор пристрастно и бездоказательно пытался опорочить. Такие предосудительные действия роняют также личный авторитет адвоката и наносят ущерб общественному престижу адвокатской профессии. Поэтому следует признать этически недопустимыми и практически несостоятельными встречающиеся иногда негодные и неумелые попытки противопоставить силе фактов грубые и недостойные упреки в адрес лиц, выполняющих свой гражданский долг — свидетельствовать на суде.

С должным уважением обязан относиться адвокат к мнению эксперта, назначенного судом для разъяснения

возникших при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных познаний. Если это заключение неблагоприятно для доверителя, никакой пользы делу не принесут заявления оратора о пристрастности эксперта либо об отсутствии у него необходимых познаний. Можно и должно критиковать заключение экспертизы, если для этого имеются основания, выявлять его методологическую несостоятельность либо несоответствие новейшим данным науки, но позволить себе неуважительное отношение к личности эксперта оратор не вправе. Если в результате объективного анализа заключения экспертизы выявится некомпетентность специалиста, привлеченного судом, адвокат должен показать это в безупречно вежливой и корректной форме, не допуская умаления его личного достоинства.

При исследовании в речи письменных доказательств адвокат должен учитывать принципиальное положение закона о том, что «никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы» (ч. 2 ст. 56 ГПК РСФСР). Поэтому он не вправе противопоставлять, например, письменные доказательства показаниям свидетелей, ссылаясь на меньшую якобы доказательственную ценность последних, а равно приписывать большую силу нотариально оформленным актам по сравнению с другими документами.

Такое тенденциозное сопоставление различных доказательств является по существу завуалированной попыткой оказать недозволенное воздействие на формирование судейского убеждения, что следует признать нравственно недопустимым приемом.

При оспаривании в речи письменных доказательств адвокат не вправе вызывающий у него сомнения документ объявлять подложным, если соответствующее обвинение не было выдвинуто при рассмотрении дела по существу. Подобное заявление оратора нельзя признать допустимым как потому, что в силу требований ч. 1 ст. 188 ГПК РСФСР участники судебных прений не вправе ссылаться на обстоятельства, которые судом не выяснились, так и вследствие нравственной неправомерности таких высказываний, носящих по существу оскорбительный характер по отношению к лицу, представившему этот документ. Отвечая на такое утверждение, процессуальный противник адвоката может с полным основанием указать на его бездоказательность,

что явится справедливой и весьма неместной для оратора характеристикой его непродуманного заявления.

С чувством большой ответственности должен подходить адвокат к анализу в речи такого деликатного средства доказывания, как личная переписка и записи граждан, особенно в случаях, когда суд исследовал эти доказательства в закрытом судебном заседании (ст. 176 ГПК РСФСР). Малейшая неосторожность в выражениях, а также прямое цитирование писем и записей, касающихся интимных сторон жизни, должно быть признано нравственно недозволенным для адвоката, обязанного проявлять максимальную сдержанность, такт и внимание к внутреннему миру человека, ограждая его от непрошеного вмешательства и праздного любопытства. Если процессуальная ситуация этого требует, адвокат может сослаться в своей речи на обстоятельства, выясненные при исследовании таких доказательств, однако такт, уважение к людям и нравственная самодисциплина оратора должны подсказать такую форму высказывания, которая позволит ему использовать полученную информацию, не причиняя ненужной моральной травмы заинтересованным лицам.

Принципиальное правило советского судебного красноречия, заключающееся в строгом соблюдении границ дозволенного в речах, нравственно допустимых приемов судебной полемики, безупречной вежливости и корректности оратора, определяет содержание и форму выступления адвокатов в ходе судебных прений. Этот важнейший этический принцип побуждает адвоката к максимальной сдержанности как во внешней манере его поведения на судебной трибуне (тон, жестикуляция и т. п.), так и в выборе слов и выражений, в строгом отборе изобразительных средств, ибо неумеренная экспрессия и высокий слог явно неуместны в рядовом гражданском споре. Этот принцип стимулирует адвокатов вести полемику только в отношении фактов, входящих в предмет исследования по делу, тщательно отбирать при построении речи только те обстоятельства, без оценки которых гражданско-правовой конфликт не может получить своего правильного разрешения, исключая все те моменты, которые не являются безусловно необходимыми в публичном судебном споре. Указанный принцип определяет максимальное уважение судебного оратора к достоинству лиц, участвующих в деле, их представи-

телей, экспертов и всех других участников процесса и предполагает устранение из лексикона личных выпадов, неуважительных замечаний и тому подобных образчиков дурного тона, к которым советский адвокат не вправе прибегать даже в случае непростительного поведения своего процессуального противника, сознавая, что лучшим ответом на подобные действия является сдержанный и достойный спор по существу.

Взаимное уважение адвокатов друг к другу в ходе судебных прений, внимание к доводам своего процессуального противника, деловая товарищеская полемика, исключая некорректные выпады, пренебрежительный тон и тому подобные недостойные приемы, должны быть нерушимым правилом поведения на судебной трибуне.

Соблюдение этических правил судебного красноречия способствует повышению культуры социалистического правосудия, усилению воспитательного воздействия судебных процессов, укреплению общественного авторитета и профессионального престижа адвокатской деятельности.

ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Согласие адвоката принять поручение на обжалование решения определяется наличием законных оснований для критики тех выводов, к которым пришел суд при рассмотрении дела по существу или при проверке дела в кассационном порядке либо в порядке судебного надзора. Обжалованию подлежит лишь незаконное или необоснованное судебное решение — таков основной принцип, сообразуясь с которым адвокат обсуждает просьбу клиента составить жалобу и поддержать ее доводы на последующих стадиях рассмотрения дела. Как в том случае, когда адвокат принимал участие в рассмотрении дела ранее, так и при обращении клиента впервые с просьбой о ведении дела, по которому уже вынесено решение, согласие адвоката на принятие поручения зависит от того, правильно ли разрешен спор и соответствуют ли судебные решения требованиям закона. Для ответа на этот вопрос недостаточно ознакомиться с решениями, об обжаловании которых просит клиент,

необходимо изучение всех материалов дела, сопоставление доводов сторон и доказательств, выдвинутых ими в обоснование своей позиции, с оценкой их судом, анализ выводов суда в отношении фактических обстоятельств дела и их правовой интерпретации, а также соображений судов высших инстанций, высказанных при рассмотрении дела по жалобам и протестам. И если в результате тщательного и объективного изучения всех этих данных адвокат придет к выводу, что оснований для критики этих решений не имеется, он не вправе принять поручение на их обжалование. Равным образом в случае, когда адвокат убедится в объективной неправомерности судебного решения, он не может выступить в его защиту, приняв поручение на ведение дела со стороны лица, в пользу которого решение было вынесено. Это — единственно возможное решение, определяемое осознанием адвокатом общественного значения своей деятельности, задачей которой является защита только законных интересов своих доверителей и содействие правосудию в разрешении дела в строгом соответствии с требованиями закона. Интерес клиента, стремящегося добиться отмены правильного судебного решения либо оставления без изменения решения ошибочного, не может быть признан интересом законным, а потому в его защите адвокат должен отказать.

Правильно, например, поступил адвокат, не нашедший оснований для поддержания в суде второй инстанции возражений обратившегося лица против доводов кассационной жалобы, в которой были выдвинуты соображения о незаконности решения суда о признании недействительным договора дарения домовладения и приведении сторон в первоначальное положение, хотя в дальнейшем домовладение перешло по договору купли-продажи к третьему лицу — добросовестному приобретателю. Поскольку в силу ст. 152 ГК РСФСР у покупателя домовладение не могло быть истребовано, вынесенное по делу решение должно было быть признано незаконным, а потому адвокат не мог его поддержать¹. Если правовая позиция по делу, разработанная при подготовке материалов к судебному разбирательству, не была разделена судом, перспектива борьбы за пересмотр решения может оказаться неблагоприятной след-

¹ Случай из практики члена МОКА М. С. Липецкера.

ствии изменения тенденций судебной практики по данной категории споров. Так, обжалование решения об отказе в иске о признании бывшего супруга, пайщика ЖСК, утратившим право на жилую площадь в настоящее время не имеет шансов на успех, поскольку Верховный Суд РСФСР при рассмотрении одного дела высказал принципиальное суждение о том, что непроживание одного из бывших супругов в доме ЖСК более шести месяцев не влечет правовых последствий, если за ним судом признано право на часть пая и ему может быть выделена отдельная комната¹. Обсуждая возможность обжалования решения суда, которым при сходных обстоятельствах в иске было отказано, адвокат пришел к правильному выводу о неблагоприятной перспективе дела, хотя в данном случае и не имелось ранее вынесенного решения о признании права на часть паенакопления, но поскольку весь пай принадлежал бывшим супругам на праве общей совместной собственности то, следовательно, он мог быть между ними разделен. Разъяснив это клиенту, адвокат отказался от дальнейшего ведения дела.

Значительно сложнее положение адвоката в том случае, если защищаемая им позиция оказалась разрушенной в ходе судебного разбирательства, а его предположение о юридической перспективе дела явилось результатом ошибочного понимания фактических обстоятельств, неверной квалификации спорного правоотношения либо просчета в оценке силы и достоверности доказательственного материала. Конечно, требуется известное мужество, чтобы признаться в своей ошибке, однако, если адвокат убедится в том, что спор правильно разрешен судом, вынесенное решение является законным и обоснованным и для его критики нет оснований, он должен заявить об этом своему доверителю и разъяснить мотивы, по которым он не может вести дело далее. Для советского адвоката принципиально недопустимо составление жалобы по гражданскому делу и поддержание ее на дальнейших стадиях процесса, если в результате тщательного изучения судебных решений он придет к выводу об их объективной правильности.

Установив наличие оснований для критики судебного решения, адвокат приступает к составлению кассацион-

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1975, № 2, с. 4.

ной жалобы, подача которой является поводом к возбуждению производства по делу в вышестоящем суде. Убедительность этого важного процессуального документа и доказательность критики мотивов решения и выводов суда в отношении фактических обстоятельств дела и их правовой интерпретации определяются в значительной мере отражением в жалобе всех доводов кассатора, свидетельствующих о неправильности оспариваемого решения.

Встречающееся иногда на практике «придерживание» доводов с целью неожиданно для процессуального противника сослаться на них в заседании суда кассационной инстанции нельзя расценить иначе как явно негодный прием, не соответствующий достоинству адвокатской профессии. Такой прием несостоятелен и в чисто практическом смысле, так как довод, действительно серьезный и убедительный, противная сторона все равно не в состоянии будет опровергнуть, а несущественное нарушение, допущенное судом, не колеблет законности и обоснованности решения, поэтому умалчивать о нем в жалобе и выдвигать его в заседании кассационной инстанции вообще лишено какого-либо резона. Для советского адвоката, сознающего публично-правовой характер своей процессуальной деятельности, направленной на содействие суду в создании оптимальных условий для правильного разрешения дела по доводам жалобы, такие методы должны быть признаны принципиально недопустимыми. Составляя жалобу для суда второй инстанции, которая должна способствовать всесторонней и полной проверке материалов дела, адвокат представляет в ней все кассационные доводы в целях повышения убедительности критической аргументации и обеспечения надлежащей защиты прав и охраняемых законом интересов своего доверителя на этой стадии процесса.

Иногда возникает необходимость в представлении суду кассационной инстанции дополнительных выводов в пользу отмены либо изменения оспариваемого решения, по тем или иным причинам не приведенных в поданной кассационной жалобе. Надобность такой дополнительной аргументации определяется, например, получением адвокатом-кассатором новых материалов, имеющих значение для дела, затребованием таких материалов судом кассационной инстанции по ходатайству сто-

рон или по своей инициативе¹, а также в случаях, когда вступивший в дело после подачи кассационной жалобы новый адвокат считает целесообразным привести дополнительные соображения, свидетельствующие о незаконности либо необоснованности решения суда. Во всех этих случаях критическая аргументация, дополняющая и развивающая доводы жалобы, может быть представлена в форме так называемой дополнительной кассационной жалобы, причем сделать это нужно заранее, чтобы суд имел возможность заблаговременно изучить этот новый процессуальный документ и приложенные к нему дополнительные материалы, а процессуальный противник смог подготовиться к защите своих интересов, для чего следует своевременно направить ему копию дополнительной жалобы. Неправильно поступают те адвокаты, которые откладывают представление дополнительной жалобы до рассмотрения дела в суде кассационной инстанции, ссылаясь при этом на ст. 300 ГПК РСФСР, согласно которой все заявления и ходатайства разрешаются в судебном заседании. Не говоря уже о том, что такие действия основаны на сугубо формальном понимании норм процессуального закона, который не запрещает представлять в суд кассационной инстанции дополнительную жалобу с приложением новых материалов до рассмотрения дела, они являются по существу недостойной уловкой, имеющей целью использовать элемент внезапности и лишить процессуального противника возможности подготовить свои контрдоводы. С другой стороны, такие действия создают ничем не оправданные помехи делу отправления правосудия, препятствуя суду кассационной инстанции всесторонне и полно рассмотреть дело с учетом дополнительных аргументов кассатора. Если новые данные требуют изучения и проверки, суд может по своей инициативе либо по просьбе другой стороны отложить разбирательство дела, и элемент внезапности, на который делалась ставка, будет утрачен, а адвокату придется выслушать весьма нелестное мнение судей о применяемых им процессуальных методах. Поэтому следует принять за правило пред-

¹ См. п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 8 октября 1973 г. № 14 «О практике рассмотрения гражданских дел в кассационном порядке». — Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973, с. 652.

ставлять дополнительную кассационную жалобу с необходимыми приложениями заблаговременно, не создавая ненужных препятствий суду кассационной инстанции для рассмотрения дела.

Хотя кассационная жалоба, составленная адвокатом, как правило, подается от имени клиента (лишь в отдельных случаях адвокат, имеющий особые полномочия, представляет жалобу по гражданскому делу от своего имени), поверенный не может быть освобожден от ответственности за ее содержание, а также за небрежность при ее составлении, упущения процессуального характера, неэтичные выражения и т. п. Поэтому, подготовив жалобу и согласовав ее с клиентом, адвокат должен разъяснить ему недопустимость каких-либо произвольных изменений в ее тексте, а также сохранить в своем досье ее копию. Любые отступления от нравственных требований, допущенные при составлении адвокатом жалобы как на приговор, так и на решение суда, должны быть признаны недопустимыми, а именно: небрежное составление жалобы (отсутствие в ней указаний на нарушения, допущенные судом при рассмотрении дела); указание в жалобе на нарушения, не подтвержденные материалами дела; использование соображений, не основанных на материалах дела или на вновь представленных документах; подача немотивированной жалобы; отсутствие в жалобе аргументации и неясное изложение ее просительного пункта; неэтичные утверждения в адрес другого адвоката и т. п.¹. Составление хорошо мотивированной кассационной жалобы, опирающейся на материалы дела и дополнительные документы, содержащей все необходимые критические доводы, ясной по своим формулировкам и безупречной по форме,— это профессиональная обязанность адвоката, его нравственный долг.

Если суд вынес решение в пользу доверителя и кассационная жалоба подана другой стороной либо принесен кассационный протест прокурором, задача адвоката состоит в подтверждении объективной правильности решения, а процессуальным средством для этого является составление и подача письменных объяснений на жалобу или на протест в целях опровержения доводов кас-

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 30 (п. 177), с. 31 (пп. 178—184), с. 32 (п. 186).

~~сатора~~ (ст. 291 ГПК РСФСР). Хотя представление письменных объяснений не является обязательным, адвокат использует это процессуальное средство во всех случаях, когда это необходимо для ограждения интересов его доверителя, учитывая, что с их помощью упрощается отбор обстоятельств дела (особенно, если оно сложное), подлежащих обсуждению в кассационной инстанции, и облегчается мотивировка оснований, по которым решение оставляется без изменения, а жалоба или протест — без удовлетворения. Нельзя также не учитывать, что в случае истребования дела для проверки в порядке надзора письменные объяснения в известной мере восполняют отсутствие стороны. Поскольку правила ст. 291 ГПК РСФСР, регулирующие порядок подачи письменных объяснений на жалобу и протест, несколько отличаются по содержанию от ст. 240 ГПК РСФСР 1923 года (не указан срок представления объяснений, а также не предусмотрено обязательное представление копии объяснений, если нет специального распоряжения судьи), на практике иногда встречаются попытки представлять письменные объяснения непосредственно в судебном заседании кассационной инстанции и без приложения копии для другой стороны. Такие действия для адвоката должны быть признаны недопустимыми. Будучи убежден в правильности своей правовой позиции по делу, которую разделил суд в своем решении, адвокат должен представить письменные объяснения заранее, приложив копию для другой стороны, чтобы суд кассационной инстанции имел возможность учесть их при рассмотрении материалов дела по доводам кассатора, а процессуальный противник мог ознакомиться с ними до рассмотрения дела. Если решение суда законно и обоснованно, а доводы жалобы или протеста несостоятельны (только при таких условиях адвокат может принять поручение на ведение дела со стороны лица, возражающего против его пересмотра), своевременное представление письменных объяснений, обосновывающих объективную правильность выводов суда в решении, будет способствовать всестороннему и полному рассмотрению дела в кассационной инстанции.

С дополнительными материалами, предназначенными для представления суду кассационной инстанции, если они не были приложены к жалобе либо к объяснениям на нее, адвокат должен ознакомить своего процес-

суального противника до начала рассмотрения дела. Поскольку в силу ст. 300 ГПК РСФСР все заявления и ходатайства лиц, участвующих в деле, по всем вопросам, связанным с разбирательством дела в кассационной инстанции, в том числе и в отношении приобщения дополнительных материалов, разрешаются судом до начала рассмотрения дела и с учетом мнения всех участников процесса, стороны и их представители — адвокаты — должны располагать всей полнотой информации по поводу документов, которые имеются у процессуального противника и будут представлены им суду. Взаимное ознакомление адвокатами друг друга с имеющимися у них материалами является важным элементом судебной культуры, свидетельством их уважения к суду и осознания достоинства носимого звания и профессионального престижа советской адвокатуры. Встречающиеся иногда попытки, особенно со стороны поверенных, возражающих против жалобы или протеста, утаивать дополнительные материалы от своего процессуального противника и представлять их суду после заслушивания объяснений кассатора в расчете на то, что он уже не сможет дать им оценку и представить свои соображения (поскольку право реплики в суде кассационной инстанции законом не предусмотрено), должны быть признаны явно негодным приемом, недостойным адвоката как общественного деятеля. Если дополнительные материалы имеют существенное значение и суд сочтет необходимым выслушать по этому поводу мнение кассатора, он может предоставить ему возможность дополнить свои объяснения. В результате расчет на неосведомленность противника окажется несостоятельным, а профессиональному престижу адвоката, прибегающего к таким этически недозволенным приемам, будет нанесен серьезный ущерб. Отступление от нравственных начал адвокатской деятельности обращается, таким образом, против поверенного, использующего такие недостойные средства.

При составлении и подаче жалобы в порядке надзора адвокат руководствуется теми же критериями, что и при кассационном обжаловании решений, учитывая вместе с тем специфику этой стадии процесса. Поскольку при возбуждении ходатайства о пересмотре решений, вступивших в законную силу, нет другой стороны в процессуальном смысле, информировать противника, а так-

же его поверенного-адвоката о своих действиях нет необходимости. Однако в том случае, если между лицами, участвовавшими в деле, и их поверенными возникают контакты в целях достижения соглашения о порядке исполнения решения либо по другим вопросам, связанным с делом, адвокат, подавший надзорную жалобу, не вправе принять участия в таких переговорах, скрывая от другой стороны факт обжалования судебных решений. Поступить иначе и участвовать в таких контактах — значило бы вести двойную игру, сознательно вводя в заблуждение процессуального противника и его поверенного — своего товарища по профессии.

Хотя законом не установлена какая-либо последовательность в подаче надзорной жалобы, адвокат не вправе обращаться одновременно с ходатайством об истребовании дела для проверки в порядке надзора в различные инстанции (например, в вышестоящий суд и в органы прокуратуры) в расчете на более быстрый пересмотр дела. Такие действия на практике иногда приводят к излишней переписке с судом, постановившим решение, если дело истребуется сразу как судом, так и прокуратурой, что, отнюдь не ускоряя проверку дела в порядке надзора, свидетельствует о неразборчивости адвоката в избрании процессуальных средств, так как при подаче двух надзорных жалоб обе инстанции по существу оказываются дезинформированными о положении дела.

Наряду с такой неумеренной активностью адвоката недопустима и противоположная крайность, когда принятое поручение на составление жалобы в порядке надзора в течение длительного времени не исполняется и жалоба по назначению не представляется. Задержка жалобы на длительное время возможна только по письменной просьбе клиента, а необоснованное промедление с обжалованием судебных решений должно рассматриваться как нарушение адвокатом своих профессиональных обязанностей. И абсолютно недопустимы длительное невыполнение адвокатом принятого поручения по обжалованию решения в порядке надзора, сопряженное с обманом клиента, которому заведомо неправильно сообщено о подаче жалобы, а также получение гонорара по необработанному делу.

При обжаловании судебных постановлений в порядке надзора адвокат обязан строго ограничивать доводы

жалобы пределами процессуальных документов, не допуская никаких дополнительных личных писем и объяснений личного характера с должностными лицами, к которым он обращается¹

Соблюдение этических начал при обжаловании судебных решений, как и во всей профессиональной деятельности адвокатов, способствует укреплению общественного авторитета, достоинства и профессионального престижа советской адвокатуры.

¹ См.: Дисциплинарная практика, с. 32 (пп. 187, 188); с. 30 (п. 175); с. 31 (п. 185).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Выбор дел	6
Адвокат и истина	33
Адвокатская тайна	40
Самостоятельность адвоката	45
Престиж профессии	52

СПОСОБЫ ВЕДЕНИЯ ДЕЛ

Подготовка к судебному разбирательству	63
Участие в суде первой инстанции	68
Обжалование судебных решений	85

Давид Петрович В а т м а н

«АДВОКАТСКАЯ ЭТИКА»

(нравственные основы судебного представительства по гражданским делам)

Заведующий редакцией *Г. К. Большакова*

Редактор *Р. А. Маркович*

Младший редактор *Е. П. Черкашина*

Обложка художника *М. К. Шевцова*

Художественный редактор *Э. П. Стулина*

Технический редактор *И. А. Сарыкова*

Корректор *Г. А. Чехерева*

ИБ № 295

Сдано в набор 27/V 1977 г. Подписано в печать 14/X 1977 г. Бумага типографская № 2. Формат 84×108^{1/32}. Объем: усл. печ. л. 5,04; учег.-изд. л. 5,20. Тираж 25 000 экз. А-13751. Заказ 4527.
Цена 25 коп.

Издательство «Юридическая литература»
103004, Москва, К-64, ул. Чкалова, 38—40.

Областная типография управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Ивановского
г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.

НБ ПНУС

572443